

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
Институт «Высшая школа журналистики и массовых коммуникаций»

На правах рукописи

АКУЛОВИЧ Ирина Анатольевна

**Отрицательная оценка произведений искусства: речевая репрезентация
коммуникативных сценариев**

Профиль магистратуры – «Журналистика и культура общества»

МАГИСТЕРСКАЯ ДИССЕРТАЦИЯ

Научный руководитель –
доктор филологических наук,
профессор Л. Р. Дускаева

Вх. № _____ от _____
Секретарь ГАК _____

Санкт-Петербург
2016

Оглавление

Введение.....	3
Глава I. Категория оценочности в свете интенциональной стилистики.....	9
1.1. Оценочность как научное понятие	9
1.2. Типология оценок	18
1.3. Формы и средства выражения оценочной интенциональности медиатекста.....	24
1.4. Оценочность и модальность	34
1.5. Отрицательная и положительная оценка в публицистическом тексте: специфика речевой репрезентации	38
Глава II. Коммуникативный сценарий рецензии на произведения искусства и речевая форма выражения отрицательной эстетической оценки	43
2.1. Коммуникативный сценарий: границы понятий	43
2.2. Доминирующие типы оценок	51
2.3. Отрицательно-оценочная рамка	64
2.4. Смысловая структура рецензий на произведения искусства.....	67
2.5. Влияние коммуникативного сценария на речевую репрезентацию оценки.....	82
Заключение.....	92
Список литературы.....	96

Введение

СМИ в современном мире обладают огромной воздействующей на общественные процессы силой: не просто информируют человека о событиях, происходящих в мире, но склонны создавать собственную реальность, отличную от многоаспектного и многопланового бытия. Эта реальность часто подменяет собой окружающую действительность. СМИ, заполняя досуг человека, оказывают влияние на мировоззрение индивида, его стиль мышления и, как следствие, на саму современную культуру.

Исследователи последних лет определяют многоаспектное понятие культура как систему коллективного знания, с помощью которого люди моделируют окружающий мир. Это означает, что действия каждого конкретного человека, будучи тесно связанными с коммуникативными процессами, являют собой систему коллективного знания, которое распространяется в первую очередь посредством языка. Коллективное знание становится массовым посредством трансляции оценки окружающей действительности через СМИ.

Одна из важнейших черт стилистики журналистской речи – оценочность. Являясь необходимой частью познавательно-ценностной конструкции действительности, она выступает средством реализации творческого замысла журналиста.

В журналистском тексте, в зависимости от объекта исследования, используются разные типы оценок, начиная с общих – положительной или отрицательной, которые даются «по совокупности признаков», т. е. отражают соответствие / несоответствие идеальному образцу, выражаются с помощью прилагательных или наречий с оценочным значением: плохой – хороший, плохо – хорошо¹.

---

¹□Стилистика и литературное редактирование. В 2 т. Т. 1 : учебник для академического бакалавриата / под ред. Л. Р. Дускаевой. – М. : Издательство Юрайт, 2016. – 325 с. С. 174 – 175

Оценка – это не только познание, осмысление, оценивание действительности, но и отношение субъекта к результатам познания. Журналист оказывает влияние на формирование аксиологических представлений массовой аудитории. Корпус оценочных средств в языке велик и разнообразен, так как оценка лиц, предметов, качеств, событий, осуществляемая субъектом, сопровождает процесс познания, проникает во все языковые слои и отражается средствами всех языковых уровней. Благодаря использованию разнообразных методов и средств выражения оценки, СМИ имеют возможность сформировать отношение людей к различным фактам общественной жизни, отчасти корректировать общественное мнение.

Актуальность исследования обусловлена значимостью изучения средств выражения отрицательной оценочности в журналистских текстах, которые реализуются в различных коммуникативных сценариях. Владение алгоритмами трансляции оценки является одним из ключевых профессиональных требований, предъявляемых к журналисту, поскольку оценочность – одна из важнейших функциональных семантико-стилистических категорий, с помощью которой автор выражает свое отношение к различным процессам, происходящим в обществе, определяя степень их ценности.

Новизна работы заключается в выявлении основных видов коммуникативных сценариев выражения отрицательной оценочности в арт-журналистике.

Апробация исследования. Основные результаты магистерского исследования были представлены на научно-практической конференции «Медиа в современном мире. Молодые исследователи» (9 – 11 марта 2016 г., Санкт-Петербург) и отражены в четырех научных публикациях.

Объект исследования – журналистский арт-текст с доминирующей оценочной интенциональностью, посвященный произведениям искусства.

Предмет – специфические речевые средства и текстовые формы актуализации речевой репрезентации коммуникативных сценариев, нацеленных на выражение отрицательной оценки произведений искусства в журналистских текстах.

Цель – выявление средств, используемых для актуализации определенных коммуникативных сценариев при трансляции отрицательной оценки произведений искусства в журналистских текстах.

Для достижения цели необходимо решить следующие **задачи**.

1. Создать терминологическую базу исследования
2. Установить формы и средства выражения отрицательной оценочности
3. Дать определение коммуникативного сценария по отношению к журналистским текстам
4. Описать основные виды коммуникативных сценариев;
5. Проанализировать коммуникативные сценарии выражения отрицательной оценочности в арт-журналистике.

Структура работы. Работа состоит из введения, двух глав, заключения и списка литературы. В первой главе дается подробное описание оценочности как языковой категории в современной лингвистике и журналистике, актуализируются разные типы оценок, выявляются формы и средства выражения оценочной интенциональности медиатекста, анализируется влияние коммуникативного сценария на речевую репрезентацию отрицательной оценки в журналистском арт-медиатексте. Вторая глава посвящена коммуникативному сценарию рецензии и речевой форме выражения отрицательной эстетической оценки.

Эмпирическая база исследования: рецензии на произведения искусства, представленные в периодических изданиях Санкт-Петербурга, таких как «Деловой Петербург», «Санкт-Петербургские ведомости», специализированного журнала «PRO Танец», а также тексты о русской

литературе, опубликованные в политологическом журнале *Foreign Policy* за 2013 – 2016 гг.

Теоретическая база представлена исследованиями логического аспекта оценки – работы А. А. Ивина², Н. Д. Арутюновой³; семантического – Е. М. Вольф⁴; прагматического – Ю. Д. Апресяна⁵; функционально-семантического – Т. В. Маркеловой⁶; функционально-стилистического – В. Н. Телии⁷, И. В. Арнольд⁸, В. И. Шаховского⁹; национально-культурного – А. Вежбицкой¹⁰, Ю. Д. Апресяна и др. К исследованиям, посвященным журналистскому арт-дискурсу, относятся работы Л. Р. Дускаевой¹¹ и Н. С. Цветовой¹². Работы по сценарной основе речевого общения

²Ивин А. А. Основания логики оценок. – Москва : Изд-во Моск. ун-та, 1970. – 230 с.

³Арутюнова Н. Д. Типы языковых значений : Оценка, событие, факт / Отв. ред. Г. В. Степанов; АН СССР, Ин-т языкознания. – М : Наука, 1988. – 338 с.

⁴Вольф Е. М. Функциональная семантика оценки / Вступ. ст. Н. Д. Арутюновой, И. И. Чельшевой. Изд. 4-ое. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. – 280 с.

⁵Апресян Ю. Д. Лексическая семантика : Синоним. средства яз / АН СССР. Науч. совет по комплексной проблеме «Кибернетика». – Москва : Наука, 1974. – 367 с.

⁶Маркелова Т. В., Прагматика и семантика средств выражения оценки в русском языке : монография / Т. В. Маркелова; М-во образования и науки Российской Федерации, Федеральное гос. бюджетное образовательное учреждение высш. проф. образования Московский гос. ун-т печати им. Ивана Федорова. – Москва : Московский гос. ун-т печати, 2013. – 297 с.

⁷Функциональная семантика: оценка, экспрессивность, модальность : In memoriam Е. М. Вольф : [Сборник] / Рос. акад. наук. Ин-т языкознания; [Предисл. И.И. Чельшевой]. – М : ИЯЗ, 1996. – 168 с.

⁸Арнольд И. В. Семантика. Стилистика. Интертекстуальность: Сборник статей / Науч. Редактор П. Е. Бухаркин. – СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 1999. – 444 с.

⁹Шаховский В. И. Лингвистическая теория эмоций : монография / В.И. Шаховский. – Москва : Гнозис, 2008. – 414.

¹⁰Вежбицкая А., Язык. Культура. Познание : [Пер. с англ.] / Анна Вежбицкая; Отв. ред. и сост. М.А. Кронгауз Вступ. ст. Е.В. Падучевой. - М : Рус. слов., 1996. – 411 с.

¹¹Дускаева Л. Р. Выражение оценочных коммуникативных действий в журналистском культурно-просветительском дискурсе / Л.Р. Дускаева // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2014. № 4. С. 206 – 213.

¹²Цветова Н. С. Дискурс искусства в современной российской журналистике // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета. 2012, № 1. С. 231 – 238.

принадлежат В. И. Шляхову¹³, а коммуникативным стратегиям и тактикам русской речи – О. С. Иссерс¹⁴.

В процессе работы будут использованы такие научные **методы**, как интенционально-стилистическое описание смысловой структуры и речевой формы медийного текста, метод аксиологического исследования категории оценочности, методы лексического, семантического, контекстного и лингвостилистического анализа, выборочный метод, лингвистический анализ, сравнительно-сопоставительный метод.

Положения, выносимые на защиту:

1. Оценочность – институциональное качество медиатекста, создаваемое одной из базовых функций журналистики, нацеленной на формирование определенного отношения массовой аудитории к тем или иным значимым событиям или фактам, явлениям окружающей действительности.

2. С семантической точки зрения, в основе любой оценки лежит отличие хорошего от плохого. Вопрос о том, как отличить плохие сообщения от хороших, или, иными словами, что такое «хорошо» и что такое «плохо», сложен, поскольку понятие хорошего и плохого не абсолютны, и в разных ситуациях общения возможны совершенно противоположные оценки одних и тех же событий коммуникантами.

3. Понятие коммуникативного сценария применяется прежде всего к диалогическому взаимодействию. Общение, в том числе оценочное, организуется по коммуникативным сценариям. Повторение сценариев, речевых схем, стереотипов, паттернов (образцов) оптимизирует коммуникацию.

4. Степень негативной оценки может быть разной: слабая негативная оценка реализуется в коммуникативных сценариях просьбы, убеждения,

¹³Шляхов В. И. Сценарии русского речевого взаимодействия в теории и практике преподавания русского языка иностранцам : автореф. дис. ... док. пед. наук. М., 2009. – 41 с.

¹⁴О. С. Иссерс. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. Изд. 5-е. — М.: Издательство ЛКИ, 2008. — 288 с.

уговора и др.; средняя негативная оценка – коммуникативных сценариях замечания, предложения, совета, инструкции и т. д.; сильная негативная оценка – в коммуникативных сценариях угрозы, приказа, требования, запрета и т.п.

5. Речевое выражение категории оценочности в современном медиатексте зависит от дискурсивной принадлежности произведения, речевой концепции издания, индивидуальности автора и авторских установок (интенций). Доминантное влияние зависит от гиперинтенциональности журналистского дискурса.

Глава I. Категория оценочности в свете интенциональной стилистики

1.1. Оценочность как научное понятие

Следует отметить, что категория оценочности рассматривалась под разным углом зрения в работах философов, логиков, психологов. Их точки зрения, бесспорно, отличаются друг от друга, но то, что в основе оценки лежит некий образец, идеал, стандарт является общим для исследователей всех научных направлений. Поэтому при рассмотрении данной категории в историческом плане правомерным было изучение не только взглядов лингвистов на данную проблему, но и точек зрения представителей таких наук, как философия, логика, психология, которые внесли свою лепту в развитие оценочности как категории прагматики¹⁵.

Сущность понятия «оценка» является аксиологической категорией в философии. В СФС оценка определяется как философская категория, обозначающая аксиологическое отношение человека ко всему нормативно представленному многообразию предметных воплощений человеческой жизнедеятельности и возможностям их познавательного и практического освоения¹⁶.

В работе «Основания логики оценок» И. И. Ивина проводится различие между четырьмя «компонентами» оценок: субъектом, предметом, характером и основанием. Исследователь разделяет оценки на две группы: абсолютные – оценки, в формулировках которых используются такие термины, как «хороший», «плохой», «добро», «зло», «безразличное»; и сравнительные – оценки, выражаемые с помощью таких терминов, как «лучше», «хуже», «равноценно». Эстетические оценки обычно формулируются с помощью таких терминов, как «прекрасно», «безобразно», «имеет большую эстетическую ценность» и т. п. По И. И. Ивину, слово «оценка»

¹⁵Новикова О. В. Категория оценочности в языке прозы В. П. Некрасова : дис. ... канд. филол. наук. Алматы, 1994. С. 12.

¹⁶ Современный философский словарь / Под общей ред. д. ф. н. профессора В. Е. Кемерова. – 2-е изд., испр. и доп. – Лондон, Франкфурт-на-Майне, Париж, Люксембург, Москва, Минск / «ПАНПРИНТ», 1988. С. 631.

употребляется для обозначения (выраженного в языке) установления ценностного отношения между субъектом и предметом. Под ценностью, или добром, ученый понимает все, что является объектом желания, нужды, стремления, интереса и т. д.

Основанием оценки может быть не только чувство, но и некоторый образец, идеал, стандарт; некоторая иная оценка. Некоторые из оценок этого типа И. И. Ивин называет внешними или утилитарными: рассматриваемому предмету приписывается положительная, отрицательная или нулевая ценность не самому по себе, а как средству достижения или устранения некоторых иных вещей, оцениваемых положительно или отрицательно¹⁷.

Сложность и многогранность оценки порождает многообразие подходов к ее характеристике, широкий спектр точек зрения на ее природу. Проблематика оценки и оценочности находит свое отражение в многочисленных фундаментальных исследованиях – работах Ю. Д. Апресяна, И. В. Арнольд, Н. Д. Арутюновой, Е. М. Вольф, М. Р. Желтухиной, А. А. Ивина, Т. В. Маркеловой, Г. Я. Солганика, В. Н. Телии, В. И. Шаховского и др.

В работе «Функциональная семантика оценки» Е. М. Вольф рассматривает оценку как один из видов модальностей, которые накладываются на дескриптивное (описательное) содержание языкового выражения. Структура оценки представлена как модальная рамка, главные элементы которой – субъект оценки и ее объект, связанные оценочным предикатом. Так, согласно Е. М. Вольф, субъект оценки, эксплицитный или имплицитный, – это лицо или социум, с точки зрения которого дается оценка; объект оценки – это лицо, предмет, событие или положение вещей, к которым относится оценка. Субъект или объект оценки часто соединяются аксиологическими предикатами, в первую очередь предикатами мнения, ощущения, восприятия.

---

¹⁷Ивин А. А., Основания логики оценок. – Москва : Изд-во Моск. ун-та, 1970. С. 24 – 31.

К важнейшей особенности оценки Е. М. Вольф относит субъективный фактор, взаимодействующий с объективным. Оценочное высказывание, даже если в нем прямо не выражен субъект оценки, подразумевает ценностное отношение между субъектом и объектом. Всякое оценочное суждение предполагает субъект суждения, т. е. то лицо (индивидуум, социум), от которого исходит оценка, и его объект, т. е. тот предмет или явление, к которому оценка относится.

Субъективный компонент предполагает положительное или отрицательное отношение субъекта оценки к ее объекту (иногда его представляют в виде отношений «нравится / не нравится», «ценить / не ценить», «одобрять / не одобрять» и т. п.), в то время как объективный (дескриптивный, признаковый) компонент оценки ориентируется на собственные свойства предметов или явлений, на основе которых выносятся оценка¹⁸.

Как отмечает Н. Д. Арутюнова, оценка более, чем какое-либо другое значение, зависит от говорящего субъекта. Связь оценочного значения с автором речи многогранна. Оценка выражает личные мнения и вкусы говорящего, а они различны у разных людей. Во внутреннем мире человека оценка отвечает мнениям и ощущениям, желаниям и потребностям, долгу и целенаправленной воле. Это создает ее конфликтность: оценка, порожденная желанием, отлична и от оценки, вытекающей из долга, и от оценки, вызванной нуждой.

Оценка социально обусловлена. Ее интерпретация зависит от норм, принятых в том или другом обществе или его части. Мировоззрение и мироощущение, социальные интересы и мода, престижность и неотируемость формируют и деформируют оценки¹⁹.

Социальная оценочность была обоснована в работах Г. Я. Солганика. Исследователь отмечает, что сложность современной языковой ситуации

18[□] Вольф Е. М. Функциональная семантика оценки / Вступ. ст. Н. Д. Арутюновой, И. И. Чельшевой. Изд. 4-ое. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. С. 11 – 12.

19[□] Арутюнова Н. Д. Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт. М., 1988. С. 6.

состоит в ее многомерности. В нынешних условиях язык СМИ играет роль объединяющего фактора, своеобразного полигона, на котором опробуется, испытывается взаимодействие самых разнообразных средств. Будучи по природе весьма проницаемой, массовая коммуникация включает в себя все темы, сюжеты, имеющие общественное значение, а также все языковые средства (независимо от их происхождения), обладающие социально-оценочным значением.

По мнению Г. Я. Солганика, по природе, по главной своей функции СМИ нуждаются не просто в номинации предметов и явлений, но прежде всего в их оценочной квалификации. Сообщая новость, анализируя действительность, в том числе и политическую, СМИ так или иначе, в более или менее эксплицитной форме призваны характеризовать освещаемые явления с точки зрения интересов всего общества или его отдельных групп, т. е. дать им социальную оценку. Отсюда вытекает продуктивность социально-оценочной лексики в языке СМИ, который не только отбирает эту лексику из литературного языка, но и производит ее, используя нелитературные пласты национального языка (просторечие, жаргоны), олитературивая единицы этих пластов, расширяя границы литературного языка, демократизируя его²⁰.

Вслед за Г. Я. Солгаником Н. И. Клушина определяет оценку в СМИ как не только оценку индивидуальную, отражающую точку зрения конкретного журналиста, а как оценку определенных идеологических групп общества, отраженную автором-медиатором в своих текстах²¹.

С точки зрения референции и отношения к ситуации И. В. Арнольд разделяет информацию в тексте и устном диалоге на предметно-логическую или информацию первого рода (ее также называют интеллектуальной, дескриптивной, объективной, концептуальной или фактуальной), не

²⁰Солганик Г. Я. Язык СМИ и политика / Под ред. Г. Я. Солганика. – М. : Издательство Московского университета; Факультет журналистики МГУ имени М. В. Ломоносова, 2012. С. 12 – 20.

²¹Клушина Н. И. Интенциональные категории публицистического текста (на материале периодических изданий 2000 – 2008 гг.) : дис. ... д-ра филол. наук. М., 2008. С. 142.

связанную с ситуацией и участниками общения, и прагматическую, оценочную, или информацию второго рода, субъективную, связанную с ситуацией и участниками общения. Исследовательница отмечает, что это часто, но не обязательно, информация экспрессивная и эмоциональная. Ее основная функция – воздействие на собеседника и передача ему своего отношения к ситуации. Оценочный компонент, по И. В. Арнольд, связан с предметно-логическим, уточняет и дополняет его²².

Как отмечает В. Н. Телия, оценочное отношение принято рассматривать как один из видов модальности, которые сопровождают языковые выражения. В отличие от объективно-временной модальности, которая включается в дескриптивный (говорящий о мире) план содержания, оценочная модальность выражает отношение говорящего ко всему, что мыслится как объективное, независимое от субъекта. По В. Н. Телии, оценочная модальность – это связь, устанавливаемая между ценностной ориентацией говорящего / слушающего и обозначаемой реалией (точнее – каким-либо свойством или аспектом рассмотрения этой реалии), оцениваемой положительно или отрицательно по какому-либо основанию (эмоциональному, этическому, утилитарному и т. п.) в соответствии со «стандартом» бытия вещей или положения дел в некоторой картине мира, лежащим в основе норм оценки²³. [Телия, с.22-23].

Ряд исследователей (Е. А. Баженова, И. Л. Бондарко, Т. В. Бондарко, М. П. Брандес, Т. М. Пермякова, и др.) выделяют две разновидности оценок: логическую (рациональную) и эмоциональную (иррациональную). Вопрос о том, какой фактор в оценке является первичным – эмоциональный или рациональный, является одним из ведущих в аксиологии и часто оказывается решающим для противопоставления субъективизма и объективизма в теории

---

²²Арнольд И. В. Семантика. Стилистика. Интертекстуальность: Сборник статей / Науч. Редактор П. Е. Бухаркин. – СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 1999. С. 260.

²³Телия В. Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц / Отв. ред. А.А. Уфимцева; АН СССР, Ин-т языкознания. – М : Наука, 1986. С. 22 – 23.

оценок.²⁴ Идею Е. М. Вольф о том, что эмоциональное и рациональное в оценке подразумевают две разные стороны отношения субъекта к объекту, первая – его чувства, вторая – мнения, развивает В. Н. Телия в статье «О различии рациональной и эмотивной (эмоциональной) оценки». Исследовательница приводит разные точки зрения на соотношение рациональной или интеллектуальной и эмоциональной или эмотивной оценок. Первое мнение, известное под названием эмотивизма, интегрирует все психологические состояния субъекта, возможные при их выражении в высказывании / тексте, и постулирует положение о том, что эмоциональная сторона в речи первична, а рациональная – вторична (Stevenson 1958, Hare 1949, Hudson 1980). Второе мнение, высказываемое, в частности, Н. Д. Арутюновой, Е. М. Вольф, А. Н. Барановым и др., сводится к приоритетности рациональной оценки над эмоциональной: последняя рассматривается либо как вид психологической оценки (Арутюнова 1988, Вольф 1985), либо вообще как один из признаков рациональной оценки, способный к актуализации в речи (Баранов 1990). Согласно третьему мнению, эти два вида оценок "переплетены" только в онтологии, в языковом отображении они достаточно четко разводятся по двум семантическим полюсам – рациональное тяготеет к дескриптивному аспекту значения и является суждением о ценности того, что вычленено и обозначено как объективная данность, а эмоциональная (или эмотивная) ориентирована на некоторый стимул в той или иной "внутренней форме" (или форме "внешней"), включенной в языковую сущность (слово, фразеологизм, текст)»²⁵.

В стилистическом энциклопедическом словаре под редакцией М. Н. Кожинной категория оценки характеризуется как совокупность разноуровневых языковых единиц, объединенных оценочной семантикой и

²⁴ Вольф Е. М. Функциональная семантика оценки / Вступ. ст. Н. Д. Арутюновой, И. И. Чельшевой. Изд. 4-ое. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. С. 39

²⁵ Функциональная семантика: оценка, экспрессивность, модальность : In *metoigiam* Е.М. Вольф : [Сборник] / Рос. акад. наук. Ин-т языкознания; [Предисл. И.И. Чельшевой]. – М : ИЯЗ, 1996. С. 32.

выражающих положительное или отрицательное отношение автора к содержанию речи²⁶. По О. С. Ахмановой, оценка – суждение говорящего, его отношение – одобрение или неодобрение, желание, поощрение и т. п. – как одна из основных частей стилистической коннотации²⁷. В словаре Т. В. Матвеевой оценка обозначается как отношение говорящего, его одобрение или неодобрение в качестве компонента лексического значения слова, смысла высказывания, содержания текста²⁸.

А. П. Сковородников и Г. А. Копнина рассматривают оценочность как свойство языковой / речевой единицы, связанное с установлением ценностного отношения (оценки) субъекта речи к объекту в широком смысле (явлению материального или духовного порядка)²⁹.

М. П. Брандес, описывая эмоционально-оценочный уровень, акцентирует внимание на двоякий характер эстетической информации – объективный – существует в виде объективных эстетических ценностей и выступает как составная часть изображаемого содержания (т. е. входит в семантическую информацию); и субъективный – существует в виде субъективных эстетических ценностей, представляющих собой ценности художественной личности. По мнению исследовательницы, эстетическое отношение проявляется в произведении в виде определенной тональности, которая представляет собой скрытое, невидимое содержание. Так, М. П. Брандес дает следующее определение оценке. «Оценка – положительная или отрицательная характеристика предмета или явления, даваемая ему на основе его определенных признаков». «Высказывания без оценки не построить. Каждое высказывание есть прежде всего оценивающая

²⁶Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М.Н. Кожинной; члены редколлегии: Е.А. Баженова, М.П. Котурова, А.П. Сковородников. — 2-е изд., испр. и доп. — М. Флинта: Наука, 2006. С. 139.

²⁷Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов : [Около 7000 терминов]. - Москва : Сов. энциклопедия, 1966. С. 305.

²⁸Матвеева Т. В. Учебный словарь : Русский язык. Культура речи. Стилистика. Риторика : [Более 900 понятий и терминов] / Т.В. Матвеева. – М : Флинта Наука, 2003. С. 214.

²⁹Речевое общение специализированный вестник / Красноярск гос ун-т под ред.

А. П. Сковородникова Вып 8-9 (16-17) – Красноярск, 2006. С. 174.

ориентация. Поэтому в каждом высказывании каждый элемент не только значит, но и оценивает», – пишет Брандес³⁰. (стр.126 – 127).

М. Р. Желтухина определяет оценку как акт человеческого сознания, заключающийся в сравнении предметов, сопоставлении их свойств, определении роли в жизнедеятельности субъекта, и его результаты, закрепляемые в сознании и языке в виде позитивного, негативного или нейтрального отношения. Оценочный компонент, как и эмоциональный, сводит к выражению двух противоположных оценок: положительной (мелиоративной) и отрицательной (пейоративной) Наибольшую трудность представляет их разграничение, так как чаще всего они выступают вместе и тесно связаны в пределах значения. У эмоций и оценок — единый общий объект, в основе эмоций лежит оценка (Вилюнас, 1976; Додонов, 1978). В то же время эмоция может быть основанием оценки: «хорошо» — оценка, и поэтому «приятно» — эмоция (Ивин, 1970). Механизм соотношения эмоций и оценок состоит в возникновении интереса (стимула), его осознании и оценки, ее эмоциональное переживание. Не всякая оценка сопровождается эмотивностью, но эмотивность всегда оценочна (Шаховский, 1988 : 121). Оценка может вызывать эмоции (рациональная), а может мотивироваться ими (эмоциональная) (Шаховский, 1988 : 121). Оценочность выделяется в словах как общей (аксиологический итог «хорошо / плохо»), так и частной оценки (по внешности, особенностям речи, умственной деятельности, характеру, умениям и навыкам и др.) (Арутюнова, 1999). Оценка человеком предмета или явления действительности обычно соотносится с эмоциональными переживаниями, часто даже говорят «эмоциональная оценка», то есть имеется в виду эмоционально-оценочный компонент. Таким образом, эмоциональная оценочность и эмотивность тесно связаны и принадлежат к

---

³⁰Брандес М. П. Стилистический анализ : (На материале нем. яз.). – Москва : Высш. школа, 1971. С. 126 – 127.

основным компонентам коннотативного плана содержания языкового знака, через который манифестируется тот или иной знак эмоции³¹.

Таким образом, существование разных подходов к определению понятий категория оценочности и оценка указывают на сложность рассматриваемого нами феномена, многообразие подходов к его изучению. Тем не менее «положение о том, что эмотивная лексика включает в свое значение оценочный компонент и что оценочная структура различных классов эмотивной лексики неодинакова», относится к более или менее общепризнанным³². Итак, понятия оценочности и эмоциональности тесно связаны, хотя и не тождественны.

Как отмечает Н. И. Клушина, с позиций коммуникативной стилистики оценочность – важнейшая интенциональная категория публицистического текста и публицистического дискурса, с помощью которой адресант убеждает адресата в определенных заданных идеях. И все лингвистические потенции, предоставленные в распоряжение автора-журналиста, отбираются и реализуются им через призму оценочности. По мнению Н. И. Клушиной, оценка – это и интенциональная текстообразующая категория публицистического произведения, и дискурсивная доминанта, составная часть лингвистики убеждения³³.

Как любая иная, текстовая категория оценочности моделируется по полювому принципу. Ядерные (центральные) поля представляют собой совокупность разноуровневых языковых и текстовых средств, семантически и функционально наиболее значимых при фиксации и передаче авторского отношения к изображаемой действительности (М. Н. Кожина).

31^{Желтухина М. Р., Тропологическая суггестивность масс-медиального дискурса: о проблеме речевого воздействия тропов в языке СМИ / М.Р. Желтухина; Рос. акад. наук, Ин-т языкознания, Моск. ун-т потреб. кооп. Волгогр. фил. – М. ; Волгоград : ИЯ Изд-во ВФ МУПК, 2003. С. 222 – 223.}

32^{Бабенко Л.Г., Лексические средства обозначения эмоций в русском языке. – Свердловск : Изд-во Урал. ун-та, 1989. С. 10 .}

33^{Клушина Н. И. Интенциональные категории публицистического текста (на материале периодических изданий 2000 – 2008 гг.) : дис. ... д-ра филол. наук. М., 2008. С. 143.}

При создании ядерного поля могут актуализироваться разные типы оценок, начиная с общих, которые, по Н. Д. Арутюновой, «присуждаются по совокупности признаков», т. е. относятся к объекту в целом, отражают общее соответствие / несоответствие объекта идеальному образцу, выражаются с помощью прилагательных или наречий с оценочным значением *плохой-хороший, плохо-хорошо*³⁴. (ссылка на статью Сковородников, Копнина)

1.2. Типология оценок

Для подхода, классифицируемого как семантический, характерно подразделение оценок на имплицитные и эксплицитные, по наличию или отсутствию специализированного средства выражения. На основании синтеза этих принципов построены классификации Н. Д. Арутюновой, А. Н. Баранова, С. С. Хидекеля и Г. Г. Кошеля, В. И. Сенкевича и др.

Выделяя типы оценок в публицистике, Н. И. Клушина пишет, что оценочность бывает открытой (эксплицитной) и скрытой (имплицитной). Открытая оценка – это ярко выраженная в публицистическом тексте авторская позиция (Кайда 1992), поддерживаемая лексическими средствами (ярлыками, пейоративной или, наоборот, мелиоративной лексикой).

Скрытая оценка – это умелое манипулирование словом, создание необходимого подтекста, усиливающего воздействующий эффект текста и его прагматическую направленность на адресата.

Н. И. Клушина подчеркивает, что отличительной чертой новейшей журналистики стал отказ от открытой пропаганды. На смену пропаганде пришло умело завуалированное манипулирование массовым сознанием, в том числе с помощью оценочных номинаций.

Так, типы оценки в публицистическом дискурсе Н. В. Клушина представляет следующим образом: открытая (пейоративные лексемы,

---

³⁴Речевое общение специализированный вестник / Красноярск гос ун-т под ред. А. П. Сковородникова Вып 8-9 (16-17) – Красноярск, 2006. С. 178.

мелиоративные лексемы, оценка через сравнение) и скрытая (метафоры, эвфемизмы, «скорнения», квазисинонимическая ситуация, контекст) [Там же, 149]. Исследовательница приходит к выводу, что из разнообразных типов оценок, использующихся в публицистическом дискурсе, наиболее востребованными оказываются имплицитные оценки³⁵.

Описывая область оценки, А. Е. Бочкарев классифицирует оценочные суждения либо как деонтические, либо как аксиологические. С аксиологическими суждениями ученый связывает ценностные представления типа «хорошо» или «плохо», а с деонтическими – представления прескриптивного свойства с модальными операторами типа «нужно», «требуется» или «необходимо»³⁶.

В рамках логико-философского подхода оценки делятся на внешние и внутренние. «Большая часть оценок имеет в качестве своего основания некоторое чувство, ощущение. Оценки, являющиеся выражением чувств симпатии, антипатии... можно назвать внутренними». Основанием оценки может быть некоторая иная оценка. Некоторые из этих оценок принято называть внешними или утилитарными: рассматриваемому предмету приписывается положительная, отрицательная или нулевая ценность не самому по себе, а как средству достижения или устранения тех или иных вещей, оцениваемых положительно или отрицательно».

Взаимодействие субъекта оценки с ее объектом лежит в основе классификации, предложенной Н. Д. Арутюновой. Так, исследовательница характеризует аксиологические значения двумя основными типами: общеоценочным и частнооценочным. Первый тип реализуется прилагательными *хороший* и *плохой*, а также их синонимами с разными стилистическими и экспрессивными оттенками (*прекрасный, превосходный, великолепный, отличный, замечательный, скверный, нехороший, дурной,*

³⁵ Клушина Н. И. Интенциональные категории публицистического текста (на материале периодических изданий 2000 – 2008 гг.) : дис. ... д-ра филол. наук. М., 2008. С. 146 – 149.

³⁶ Бочкарев А. Е. Семантический словарь / А.Е. Бочкарев. – Н.Новгород : ДЕКОМ, 2003. С. 112.

поганый, худой и др.). По мнению Н. Д. Арутюновой, эти прилагательные выражают холистическую оценку, аксиологический итог. В предлагаемой классификации частнооценочных значений принят характер основания оценки, ее мотивация.

Среди частнооценочных значений выделяются три группы, которые включают семь разрядов:

I группа. Сенсорные оценки, связанные с ощущениями, чувственным опытом – физическим и психическим. Они делятся на:

1) сенсорно-вкусовые, или гедонистические оценки – то, что нравится, это наиболее индивидуализованный вид оценки.

Приятный, вкусный, душистый;

2) психологические, среди которых различают:

а) интеллектуальные оценки: интересный, увлекательный;

б) эмоциональные: радостный, приятный, желанный.

II группа. Сублимированные или абсолютные оценки:

1) эстетические оценки, основанные на синтезе сенсорного и психологического: красивый, прекрасный;

2) этические, подразумевающие нормы: моральный, добрый.

III группа. Рационалистические оценки:

1) утилитарные: полезный, вредный, благоприятный;

2) нормативные: правильный, корректный, стандартный

3) телеологические: эффективный, удачный, целесообразный.

Таким образом, анализ оценки в собственно лингвистическом плане также опирается на понимание субъективного и объективного аспектов значений оценочных слов и высказываний в их соотношении³⁷.

Н. С. Цветова в статье «Выражение оценки в журналистской речи» (статья находится в печати) как базовые выделяет два типа оценок: общая оценка (положительная и отрицательная) допускает разные интерпретации, нуждается в мотивировках. Общую оценку можно оспаривать. Для

³⁷Арутюнова Н. Д. Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт. М., 1988. С. 75.

обоснования общей оценки используются разные языковые средства и текстовые приемы, транслирующие частнооценочные значения, которые формируют периферийные оценочные поля.

Типы частных оценок:

– сенсорно-вкусовые (*Их оценка продукта – жесткая, без экивоков: «Терпеть не могу этот гадкий засушенный виноград, бывающий либо **очень сладким**, либо **очень кислым** и неприятно вязнувший в зубах* – Санкт-Петербургские ведомости, «Фунт изюма», 19. 10. 2015 г.);

– психологические (*Возникнет **интересный** диалог* – Санкт-Петербургские ведомости, «Нам интересно наводить мосты», 27. 04. 2016 г.);

– этические (*Пройдет совсем немного времени, и **жестокий** идеологический прессинг закроет научно-краеведческое Общество изучения русской усадьбы и усадебную тему в фотографии* – Санкт-Петербургские ведомости, «Дама с двумя собачками», 23. 11. 2015 г.);

– утилитарные (*Актеры НДТ сами отремонтировали помещение, соорудив **вполне пригодный** к работе «черный кабинет», там можно посадить 60 зрителей, есть крошечное фойе (его уже уютно обустроили, расстелив половички, повесив занавески из рогожки и любовно расставив всякие трогательные мелочи* – Санкт-Петербургские ведомости, «Если дорог тебе твой театр-дом», 27. 08. 2015 г.);

– нормативные (*Этот маршрут позволит расширить **стандартный** пакет, в перспективе сделать тур для китайцев по России продолжительностью не 7 – 8 дней, а 10 – 12* – Санкт-Петербургские ведомости, «В Дун Гун и к Ильичу», 03. 08. 2015 г.);

– эстетические (***Чудесный** вид на православную обитель открывается с пешеходного моста через железнодорожные пути близ станции Боголюбово* – Санкт-Петербургские ведомости, «Сюрприз всей семье», 17. 12. 2015 г.); ***Красивое, чувственное, полнокровное сопрано** Рягузовой с ее отличным итальянским позволило ей создать **притягательный** и*

волнующий образ Леоноры. – Санкт-Петербургские ведомости, «Закрытый клуб «Трубадур»», 24. 11. 2014 г.);

– идеологические (*После того иррационального набора (вращающихся тарелок, разбивания льда, спящего карлика, бесконечно прыгающей или бегающей Татьяны) буржуазный, хотя и слегка тревожный красно-темно-коричневый кабинет «Трубадура» со множеством дверей должен был показаться верхом удобства и счастья* – Санкт-Петербургские ведомости, Санкт-Петербургские ведомости, «Закрытый клуб «Трубадур»», 24. 11. 2014 г.).

Общие и частные оценки могут быть

– рациональными, опирающимися на социальные стереотипы (*Экономический кризис в бывшей советской республике автоматически порождает политическую нестабильность* – Санкт-Петербургские ведомости, «Молдавское обострение», 11. 05. 2016 г.), и эмоциональными, основанными на чувствах гордости, уверенности, удивления, страха, гнева, возмущения (*Если спросить тех, кто в разные годы, начиная с 1970-х, у него учился, они ответят с придыханием: «Учитель! Мастер! Я обязан ему всем!»* – Санкт-Петербургские ведомости, «Пигмалион», 12. 05. 2016 г.);

– интенсифицированными (*Его уверенность и громкое «Браво! Браво! Красавцы, да?» спасут ситуацию* – Санкт-Петербургские ведомости, «Заблудиться и найти», 12. 05. 2016 г.) и деинтенсифицированными (*Когда спрашиваешь, а реален ли сегодня такой образ, ни актеры, ни авторы сценария не могут вспомнить случаи, когда провальные спектакли вытаскивались стараниями клакеров. Эта профессия осталась в прошлом* – Санкт-Петербургские ведомости, «Заблудиться и найти», 12. 05. 2016 г.);

– эксплицитными, прямыми (*Он и Пикеринг – человек с абсолютным музыкальным слухом, эрудит и джентльмен, который ведет себя с цветочницей, как с герцогиней, а главное – учит собственным примером* – Санкт-Петербургские ведомости, «Пигмалион», 12. 05. 2016 г.);

– эксплицитными косвенными, например, могут быть представлены в форме фактуальной информации, статистических данных (*Сумма, что и говорить, немалая, особенно на фоне остальных прописанных в проекте бюджетной корректировки дополнительных расходов: 500 млн на ремонт дорог, 840 млн на здравоохранение, 361 млн на культурные мероприятия и т. д.* – Санкт-Петербургские ведомости, «Бюджет прибавляет в весе» 12. 05. 2016 г.); имплицитными (скрытыми, увиденными в подтекст): *Макс Барри и сам манипулятор не из последних – по крайней мере когда речь идет об управлении вниманием читателя* – Санкт-Петербургские ведомости, «Кто боится Вирджинии Вулф?», 10. 05. 2016 г.).

Оценка может интенсифицироваться / деинтенсифицироваться с помощью самых разных речевых и текстовых средств, например, с помощью хронотопа – характеристик времени и пространства, в которых происходят оцениваемые события или находится оцениваемый персонаж: *Конкурс уже давно не сугубо петербургский: в этом году участвовали переводчики из 56 регионов России и семи стран (Белоруссия, Молдавия, Украина, Казахстан, Польша, Франция, Грузия)* – Санкт-Петербургские ведомости, «Женская профессия» 12. 05. 2016 г.).

Именно ядерные оценки задают тематический, композиционный и стилистический тип текста, его жанровые особенности, проецирующие авторский замысел, цель и ответную реакции адресата, т. е. особенности диалога субъекта оценки с адресатом.

Рассмотрим пример. Автор статьи «Нет эстета в своем отечестве», опубликованной в газете «Коммерсантъ», повествует о том, что выставка Серова рассказала о **большом** художнике как *цельном мастере*. Однако, по мнению автора, *выставка Бакста способна поведать совсем иную историю*. Используя частные оценки, журналист усиливает воздействие на читателя, воссоздает события в развитии от малого к большому — *она ведет от слабых юношеских работ к знаменитым театральным его эскападам и*

даже (спасибо спасшей положение галерее "Наши художники") к **роскошным** эскизам для тканей 1920-х годов.

Далее автор критикует организаторов выставки, которые не сумели отразить в персональной экспозиции **неизвестную** нам часть послевоенного искусства, без которой, по мнению журналиста, *суть дарования остается размытой*. Подтверждение этого усиливается градацией: «Тут бы ошарашить, удивить, заставить онеметь от восторга».

В последнем предложении с помощью рациональных оценок автор дает характеристику России: «Таких художников и вообще-то в мире мало, а в **напряженной, логоцентричной** и всех всегда желающей учить жить России — тем более. Да и того сами выгнали». (Коммерсантъ, «Нет эстета в своем отечестве» 05. 03. 2016 г.).

Специфическими интенциями, организующими оценочные жанровые модели, являются: оценка того, что происходило, происходит, будет происходить, того, что наблюдается, оценка чужих высказываний, оценка персон.

1.3. Формы и средства выражения оценочной интенциональности медиатекста

Е. М. Вольф, обращаясь к формам оценочных выражений в естественном языке, отмечает, что именно абсолютная оценка воспринимается как исходная. Абсолютные оценки выражены более простым способом, чем сравнительные, и представляются элементарными по форме: *красивый – более / менее красивый; Эта книга интересная и Эта книга интереснее, чем та*. Когда речь идет о степенях сравнения, за исходную по форме берется положительная степень, выражающая абсолютную оценку. Очевидно, отчасти поэтому, на абсолютную оценку в лингвистических

исследованиях обычно обращают мало внимания, в то время как сложная по форме сравнительная оценка исследована более подробно.³⁸

Рассматривая вопрос о средствах выражения оценки, следует обратиться к теоретическим положениям А. А. Шахматова и В. В. Виноградова. Так, А. А. Шахматов в «Синтаксисе русского языка»³⁹ впервые выдвигает термин «категория субъективной оценочности»; «категория эта обнаруживается не морфологически, ... а путем словообразовательных суффиксов, дающих основание различать слова со значением увеличительным, уменьшительным, пренебрежительным». Шахматов, таким образом, соотносит значения размерности и собственно аксиологические, что стало к тому времени традиционным. Однако исследователь подходит к оценочности как к целостному, системному явлению, а не как к простой совокупности отдельных средств выражения оценочности. А. А. Шахматовым рассматриваются средства выражения персуазивной оценки, акцентируя внимание на способность вносить в предложения дополнительное значение, характеризующее содержащуюся в предложении информацию по отношению к плану достоверности. Теоретические положения, заложенные в трудах А. А. Шахматова, получили дальнейшее развитие в научных изысканиях В. В. Виноградова. Так, в работе «Русский язык» есть такое высказывание о взаимодействии средств персуазивной оценки и значения всего предложения: «Грамматическая природа модальных слов определяется отношением их лексического значения к модальности того предложения, в которое они вводятся»⁴⁰.

В отличие от А. А. Шахматова, В. В. Виноградов считает бесспорным необходимость отнесения модальных слов к разряду средств выражения оценки и высказывает мысль о единой экспрессивной основе всех оценочных

38[□] Вольф Е. М. Функциональная семантика оценки / Вступ. ст. Н. Д. Арутюновой, И. И. Чельшевой. Изд. 4-ое. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. С. 16.

39[□] Шахматов А. А. Синтаксис современного русского языка. – М., 1941. С. 452.

40[□] Виноградов В. В. Русский язык. Грамматическое учение о слове. Издание 2-е. – М., 1972; Издание 3-е, исправ. – М., 1986. С. 37.

явлений: «... в русском языке есть предложения, функция которых сводится к простому утверждению или отрицанию, выражению согласия или несогласия, или к общей экспрессивной модальной оценке предшествующего высказывания»⁴¹.

В трудах В. В. Виноградова осуществлен анализ форм субъективной оценки. Во всех теоретических изысканиях оценка рассматривается Виноградовым как один из ведущих стилеобразующих факторов: «Именно распределение света и теней с помощью выразительных речевых средств, экспрессивное движение стиля, переходы и сочетания экспрессивно-стилевых красок, характер оценок, выражаемых посредством отбора и смены слов и фраз, создают представление об идейной сущности, о вкусах и характере творческой личности художника»⁴².

Рассмотренные теоретические построения позволяют сделать вывод об эволюции подхода к оценочности: от констатации факта наличия в языке особых форм с оценочным значением до подхода к оценке как к целостному и системному явлению, и, наконец, до анализа оценочности с позиции лингвостилистики как одного из ведущих стилеобразующих факторов⁴³.

Оценка (положительная или отрицательная) субъекта речи по отношению к объекту высказывания может быть выражена различными языковыми средствами. Иначе говоря, оценочный аспект текста складывается из значений, которые реализуются на всех уровнях языка — в морфологии, синтаксисе, лексике⁴⁴.

Лексические и словообразовательные единицы языка эксплицитно выражают положительную и отрицательную оценки в тексте. Синтаксические и текстовые языковые средства самостоятельно оценивать

⁴¹ Виноградов В. В. Русский язык. Грамматическое учение о слове. Издание 2-е. – М., 1972; Издание 3-е, исправ. – М., 1986. С. 15.

⁴² Виноградов В. В. О теории художественной речи. – М., 1971. С. 83.

⁴³ Новикова О. В. Категория оценочности в языке прозы В. П. Некрасова : дис. ... канд. филол. наук. Алматы, 1994. С. 17.

⁴⁴ Вольф Е. М. Функциональная семантика оценки / Вступ. ст. Н. Д. Арутюновой, И. И. Чельшевой. Изд. 4-ое. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. С. 207.

объект не могут. Следовательно, положительная и отрицательная оценки выражаются ими только имплицитно⁴⁵.

В монографии «Прагматика и семантика средств выражения оценки в русском языке» Т. В. Маркелова отмечает, что неоднозначность интерпретации и квалификации языковой семантики оценки в лингвистических исследованиях на русском языковом материале обуславливает поиски оснований для систематизации средств выражения качественной положительной и отрицательной оценки. Выделение функции оценки (Н. Ю. Шведова) обеспечивает описание функционально-динамического аспекта системного устройства аксиологического фрагмента языка с учетом условий речевой деятельности, контекста и ситуации⁴⁶.

На уровне лексики, вслед за Т. В. Маркеловой, М. В. Головня выделяет три класса лексических единиц, которые реализуют оценочность в контексте: функциональную, коннотативную и прагматическую оценочность.

В функциональной оценочности оценочная номинация представлена словом, значение которого содержит оценку в семантической структуре.

В этом театре похвала «хороший артист» вообще ничего не стоила (Санкт-Петербургские ведомости, «Имени Стрельчика», 04. 02. 2016 г.).

Как отмечает С. А. Прищепчук, в таких сугубо оценочных лексических единицах компонент является частью денотативного значения в семантической структуре слова. Предметная соотнесенность подобных единиц устанавливается только в контексте»⁴⁷.

---

⁴⁵Головня М. В. Средства выражения оценки в поэтическом языке А. Т. Твардовского : дис. ... канд. филол. наук. М., 2010. С. 30.

⁴⁶Маркелова Т. В., Прагматика и семантика средств выражения оценки в русском языке : монография / Т. В. Маркелова; М-во образования и науки Российской Федерации, Федеральное гос. бюджетное образовательное учреждение высш. проф. образования Московский гос. ун-т печати им. Ивана Федорова. - Москва : Московский гос. ун-т печати, 2013. С. 3 – 4.

⁴⁷Прищепчук С. А. Функционально-семантические особенности лексических средств выражения оценки в языке. // Материалы XI региональной научно-технической конференции «Вузовская наука – Северо-Кавказскому региону». Том второй. Общественные науки. Ставрополь: СевКавГТУ, 2007. С. 168.

В коннотативной оценочности оценочная номинация выражается словом, значение которого ничего не предопределяет в отношении говорящего к объекту оценки, переносное оценочное значение создается условиями использования ассоциативного потенциала слова в контексте:

Парфенов — это такая альтернативная история в изгнании, постоянное напоминание о том, как у нас «могло бы быть» (Деловой Петербург, Рецензия на фильм Леонида Парфенова «Русские евреи», 6. 05. 2016 г. мая 2016 г.).

Безоценочные лексические единицы приобретают оценочность только в определенном контексте, и поэтому мы относим их к средствам синтаксического и текстового уровней.

Прагматическая оценочность. В значении лексических единиц совмещаются предметность и оценочность: предметная сема соответствует объекту, а оценочная сема — предикату суждения. В таких словах выражается отношение говорящего к обозначаемому этим словом явлению, что позволяет выделить их в отдельный класс прагмем. Прагмема представляет собой слово с ярко выраженным прагматическим компонентом содержания (М. Н. Эпштейн). По С. А. Прищепчук, роль прагмем заключается в том, что они представляют собой свернутые (имплицитные) суждения, обладающие особой силой убеждения. В подобных имплицитных суждениях единство субъекта и предиката не оставляет места для доводов, позволяющих его оспорить, поправить»⁴⁸. Например: *Открывать рот или орать друг на друга — это еще не говорить* (Рецензия на фильм Леонида Парфенова «Русские евреи», 6. 05. 2016 г. мая 2016 г.).

Как отмечает Т. В. Маркелова, среди многочисленных средств выражения оценочного значения словообразование занимает особое место. По мнению исследовательницы, в словообразовании актуализируется

⁴⁸ Прищепчук С. А. Функционально-семантические особенности лексических средств выражения оценки в языке. // Материалы XI региональной научно-технической конференции «Вузовская наука – Северо-Кавказскому региону». Том второй. Общественные науки. Ставрополь: СевКавГТУ, 2007. С. 168.

наиболее регулярный и продуктивный способ образования слов – суффиксация. Суффикс способен интерпретировать одобрителное или неодобрителное отношение говорящего как на основе объективного, так и субъективного факторов оценочной семантики⁴⁹. (*Сияющий белозубой голливудской улыбкой, с гордостью рассказывающий о своей красавице-жене, умнике-сыне...* – Санкт-Петербургские ведомости, «Нет рук, нет ног, нет проблем» 19. 05. 2015 г.).

При исследовании словообразования как одного из аксиологических средств Т. В. Маркелова опирается на функционально-семантический подход к категории оценки, который предполагает наличие функционально-семантического поля (ФСП) оценки в русском языке. ФСП оценки – один из важнейших факторов формирования высказывания наряду с такими полями, как модальность, темпоральность, персональность. ФСП оценки от названных полей отличается отсутствием единого грамматического центра. Поэтому правомерно относить его к полицентрическим полям, «опирающимся на некоторую совокупность разноуровневых языковых средств» (Бондарко), среди которых деривационный уровень занимает особенное место, играя организующую роль в конструкции поля, его парадигматическом и синтагматическом устройстве⁵⁰.

Морфологические средства охватывают меньшее количество средств для выражения экспрессивно-эмоциональных оценок, в отличие от лексических и словообразовательных. Так, степень категоричности оценки зависит от формы употребления (полной или краткой). Например:

Надежда на счастливый случай только и дает силы жить дальше матерям, женам, сестрам (Санкт-Петербургские ведомости, ««Надежда» гибнет, жизнь идет» 20. 10. 2015 г.).

⁴⁹Маркелова Т. В., Прагматика и семантика средств выражения оценки в русском языке : монография / Т. В. Маркелова; М-во образования и науки Российской Федерации, Федеральное гос. бюджетное образовательное учреждение высш. проф. образования Московский гос. ун-т печати им. Ивана Федорова. – Москва : Московский гос. ун-т печати, 2013. С. 100.

⁵⁰Там же. С. 101.

Я счастлив такой динамике (Санкт-Петербургские ведомости, «Улыбка Легара», 28. 04. 2016 г.).

Полные и краткие формы расходятся в лексических значениях. Как отмечает М. В. Дегтярева, наблюдается сужение лексических значений кратких форм, приращение дополнительных смыслов, новых оттенков, авторской экспрессии⁵¹.

*Понятно, чем роман Михаила Шишкина "Письмовник" привлекателен для театра: характеры выписаны пластично, коллизии **остры**, монологи и диалоги **живые и красочные*** (Деловой Петербург, 18 марта 2016, http://www.dp.ru/a/2016/03/17/Udaljaetsja_a_ne_dlitsja/).

Краткая форма всегда называет основной признак предмета из ряда указанных в данном предложении признаков. Полная форма может обозначать как основной, так и дополнительный признак предмета⁵².

По мнению М. А. Шелякина, краткие формы прилагательных, в отличие от полных, «обнажают» предикативный признак, интерпретируя его прагматически. Поэтому они всегда так или иначе сопровождаются субъективными коннотациями. Такую функцию кратких форм можно назвать эмфатической⁵³.

Историческая фактура — кровава, фигура доносчика — отвратительна, человеческие истории — выпуклы до ужаса, в памяти хочешь не хочешь застрянет (Деловой Петербург, Рецензия на спектакль "Слово и дело", 6. 05. 2016 г.).

⁵¹Дегтярева М. В. Частеречный статус предикатива. – М.: МГОУ, 2007. С. 64.

⁵²Современный русский язык / Под ред. П. А. Леканта. – 2-е изд., испр. – М.: Дрофа, 2001. С. 280.

⁵³Шелякин М. А. О функциональном различии кратких форм и падежных форм полных прилагательных в позиции предиката в современном русском языке // Русский язык: исторические судьбы и современность: IV Международный конгресс исследователей русского языка: Труды и материалы / Составители М. Л. Ремнева, А. А. Поликарпов. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 2010. – С. 42.

Функциональные особенности кратких вариантов «опираются на этимологическую память их форм»⁵⁴. Краткие формы содержат богатый оценочный потенциал и реализуют его функции предиката⁵⁵.

В. Г. Гак рассматривает не столько способ выражения эмоций и оценок, сколько их роль в структуре высказывания и текста. Он характеризует синтаксис эмоций и оценок соотношением между нейтральными и эмоционально-оценочными номинациями и высказываниями в тексте. Исследователь подчеркивает, что при выражении эмоций и оценок нередко проявляется закон триады, т. е. троекратное повторение одного и того же состояния, указание на три особенности предмета, которому дается оценка. При этом возможны различные семантические отношения между компонентами высказывания. Оценки могут образовывать градацию. Обобщенное обозначение часто занимает последнее место в ряду синонимических номинаций и оно подчеркивает тем самым категоричность суждения. В качестве приема для придания эмоциям и оценкам силы категоричности В. Г. Гак выделяет аргументацию, основанную на причинных отношениях. С одной стороны, она подчеркивает мотивацию говорящего субъекта, пробуждает аффективный заряд, способный обеспечить активное участие субъекта в действии, с другой – она дает доводы для убеждения собеседника, пробуждая его присоединиться к предлагаемой точке зрения... Описание фактов, аргументирующих оценку, может включаться между собственно оценочными высказываниями⁵⁶.

Итак, будучи функциональной категорией, оценка представлена на всех уровнях языка и обладает большим разнообразием средств выражения. Не претендуя на полноту предъявления всех способов выражения оценки,

---

⁵⁴ Там же. С. 43.

⁵⁵ Головня М. В. Средства выражения оценки в поэтическом языке А. Т. Твардовского : дис. ... канд. филол. наук. М., 2010. С. 79.

⁵⁶ Функциональная семантика: оценка, экспрессивность, модальность : In *memoriam* E.M. Вольф : [Сборник] / Рос. акад. наук. Ин-т языкознания; [Предисл. И.И. Чельшевой]. – М : ИЯЗ, 1996. С. 24 – 25.

приведем некоторые примеры. Так, на фонетическом уровне можно выделить, в частности, эмфатическое ударение и интонацию:

Если спросить тех, кто в разные годы, начиная с 1970-х, у него учился, они ответят с придыханием: «Учитель! Мастер! Я обязан ему всем!» (Санкт-Петербургские ведомости, «Пигмалион», 12. 05. 2016 г.).

На морфемном уровне оценочный компонент содержится в семантической структуре корневой морфемы:

Канитель для эполет заказывали в Пакистане, только там еще сохранилось искусство ее изготовления (Санкт-Петербургские ведомости, «Матильда снова в Павловске», 15. 06. 2015 г.).

Велика роль доброхотов и в спуске с крыльца (Санкт-Петербургские ведомости, «Дама с коляской», 23. 11. 2015 г.); в эмоционально-оценочных суффиксах:

Офелия у Елизаветы Боярской – девчонка, подружка, чувствующая Гамлета без слов, поверх слов (Санкт-Петербургские ведомости, «Реновация Эльсинора» 05. 05. 2016 г.).

В некоторых случаях происходит объединение этих способов:

А после спектакля подходят и благодарят: «Господи, как же нам надоела «чернуха»! Как же мы соскучились по ТАКОМУ театру!» (Санкт-Петербургские ведомости, «Куда идет театр и публика», 26. 02. 2016 г.).

Слова некоторых частей речи (например, частицы, междометия), будучи включены в структуру предложения, при определенном его интонационном оформлении способны выражать то или иное эмоционально-оценочное значение. Особенно значимы в этом отношении модальные частицы, поскольку «субъективное отношение, намек на ту или иную реакцию, оценка в модальных частицах присутствует всегда»⁵⁷. Например:

«Презрение» – едва ли не самый знаменитый «фильм о фильме» с легендарным режиссером Фрицем Лангом в главной роли: он снимает там

⁵⁷ Русская грамматика – М.: Наука, 1980. С. 727.

эпопею об Одиссее (Санкт-Петербургские ведомости, «Мир наших желаний», 11. 05. 2016 г.).

*Предположив, что перед ним бывший священник, репортер решил убедиться в своих предположениях: «Батюшка, да **неужели** это вы?». «Точно так!» – незамедлительно последовал ответ.* (Санкт-Петербургские ведомости, «Синяя птица Корнета», 29. 04. 2016 г.).

Оценочность может развиваться и у слов, выполняющих указательные функции, т. е. у местоимений. Например:

*Иллюстрация перерастает во **что-то** большее, если прикладываешь усердие* (Санкт-Петербургские ведомости, «Формула успеха – божий дар и работа», 12.05.2016 г.).

Из большого разнообразия языковых и речевых единиц, обладающих различными оценочными коннотациями, отметим лишь слова и словосочетания, выражающие оценку в результате процесса метафоризации, например: *В его работах запечатлены все **регистры смеха**, которым жила эта эпоха: от курехинской интеллектуальной буффонады до ироничной и автопародийной лирики Кибирова* (Деловой Петербург, «Персональная выставка художника Георгия Литичевского проходит в Петербурге», 29. 04. 2016 г.); ***Воздух напоен ароматами и так чист, что слегка кружится голова*** (Санкт-Петербургские ведомости, «Ухватить Серого за ухо», 07. 08. 2015 г.); *Но все эти **огрехи искушает** подлинность человеческих характеров, ситуаций* (Деловой Петербург, Рецензия на фильм "Экипаж", 22. 04. 2016 г.).

Таким образом, содержание оценок и способы их выражения во многом зависят от принадлежности текста к той или иной функциональной разновидности. Так, оценочность является основным стилеобразующим фактором публицистических материалов, где она, по наблюдениям исследователей, «проявляется в отборе и классификации фактов и явлений действительности, в их описании под определенным углом зрения, в

специфических лингвистических средствах»⁵⁸. «Оценка, выражаемая в текстах средств массовой информации, во многих случаях определяется социальными и идеологическими факторами – она обуславливается задачами политической борьбы, противостоянием идеологий, потребностями позитивной, идейной и моральной самопрезентации, часто связанной с устремлением к компрометации оппонента»⁵⁹.

1. 4. Оценочность и модальность

При изучении средств выражения оценки исследователи сосредотачивают свое внимание на категории модальности.

Термин «модальность» М. Я. Блох определяет как семантику отношения денотатов к действительности и отмечает, что модальность не является специфической категорией предложения; это более широкая категория, которая может выявляться как в области грамматико-строевых элементов языка, так и в области его лексико-номинативных элементов. В этом смысле любое слово, выражающее некоторую оценку соотношения называемой субстанции с окружающей реальностью, должно быть признано модальным. Сюда относятся знаменательные слова модально-оценочной семантики, полуслужебные слова вероятности и необходимости, модальные глаголы с их многочисленными вариантами оценочных значений⁶⁰.

Как отмечает Е. В. Кочеткова, вопрос о соотношении оценочности и модальности остается дискуссионным (Е. И. Беляева, 1985; М. Д. Городникова, 1988; Л. М. Васильев, 1996; В. Г. Гак, 1997; Е. Ю. Мягкова, 2000). Ссылаясь на определение «модальности» М. В. Ляпон в лингвистическом энциклопедическом словаре, Е. В. Кочеткова пишет, что

⁵⁸ Клушина Н.И. Языковые механизмы формирования оценки в СМИ // Публицистика и информация в современном обществе. М., 2000. С. 94.

⁵⁹ Культура русской речи. Учебник для вузов. Под ред. проф. Л. К. Граудиной и проф. Е. Н. Ширяева. — М.: Издательская группа НОРМА – ИНФРА, 1998. С. 257.

⁶⁰ Блох М. Я. Теоретические основы грамматики : Учеб. для студентов ин-тов и фак. иностр. яз / М.Я. Блох. – 2-е изд., испр. – М : Высш. шк., 2000. С. 98.

термин «модальность» используется для обозначения широкого круга явлений, неоднородных по смысловому объему, грамматическим свойствам и по степени оформленности на разных уровнях языковой сферы. Категорию модальности большинство исследователей дифференцируют. Один из аспектов дифференциации – противопоставление объективной и субъективной модальности. Объективная модальность выражает отношение сообщаемого к действительности в плане реальности. Смысловую основу субъективной модальности образует понятие оценки в широком смысле слова, включая не только логическую (интеллектуальную, рациональную) квалификацию сообщаемого, но и разные виды эмоциональной (иррациональной) реакции⁶¹.

И. М. Кобозева отмечает, что в лингвистике уже давно утвердилось противопоставление объективной и субъективной модальности. Понятие объективной модальности используется при характеристике отношения между высказыванием и действительностью, а понятие субъективной модальности — при характеристике отношения говорящего к высказыванию.

Традиционная грамматика прибегает к понятию объективной модальности при описании грамматической категории наклонения, противопоставляя реальную модальность предложения (соответствие его реальности) ирреальной (несоответствие реальности)⁶².

Поскольку оценка выражает субъективное отношение говорящего к действительности, обратимся к субъективной модальности.

К сфере субъективной модальности традиционная грамматика относит целый ряд разнородных явлений. Это и вводные («модальные», по терминологии В. В. Виноградова (Виноградов 1938) слова, модальные частицы, и специфические экспрессивные синтаксические конструкции типа *Охота было вмешиваться*. Именно с этим типом модальности соотносится

⁶¹Кочеткова Е. В. Языковые средства выражения негативной оценки мира и человека в поэзии Игоря Северянина : дис. ... канд. филол. наук : Хабаровск : 2004. С. 17.

⁶²Кобозева И. М. Лингвистическая семантика: Учебное пособие. — М.: Эдичориал УРСС, 2000. С. 240.

получивший широкое распространение термин модус, введенный Шарлем Балли, который выделял в содержании предложения две части — модус и диктум. С ним же связано и введенное А. Вежбицкой в концептуальный аппарат семантики понятие «модальной рамки». Данный тип модальных понятий характеризует отношение говорящего к сообщаемому в терминах разного рода оценок (степени достоверности, желательности, неожиданности, связи с предтекстом и т. п.) и соответственно относится уже не к пропозициональному, а к прагматическому компоненту семантики предложения⁶³.

И. Р. Гальперин подчеркивает, что введение субъективно-модального значения в общую категорию модальности представляется важным этапом в расширении рамок грамматического анализа предложения и служит мостиком, переброшенным от предложения к высказыванию и к тексту. Таким образом, исследователь разделяет субъективно-оценочную модальность на фразовую и текстовую. Если фразовая модальность выражается грамматическими или лексическими средствами, то текстовая, кроме этих средств, применяемых особым способом, реализуется в характеристике героев, в своеобразном распределении предикативных и релятивных отрезков высказывания, в сентенциях, в умозаклучениях, в актуализации отдельных частей текста и в ряде других средств⁶⁴.

Субъективная модальность реализуется различными языковыми способами. Приведем классификацию М. В. Ляпон:

- 1) употребление специального лексико-грамматического класса слов, а также функционально близких к ним словосочетаний и предложений;
- 2) введение специальных модальных частиц;
- 3) использование междометий *ах! ой-ой-ой!* и др.;

⁶³Кобозева И. М. Лингвистическая семантика: Учебное пособие. — М.: Эдичориал УРСС, 2000. С. 241 – 242.

⁶⁴Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования / И.Р. Гальперин; отв. ред. чл.-кор. АН СССР Г.В. Степанов. — Изд. 7-е. - Москва : URSS Книжный дом "Либроком", 2009. С. 115.

4) сопровождение высказывания специальными интонационными средствами для акцентирования удивления, сомнения, уверенности, недоверия, протеста, иронии и др. эмоционально-экспрессивных оттенков субъективного отношения к сообщаемому;

5) изменение порядка слов, например вынесение главного члена предложения в начало для выражения отрицательного отношения, ироничного отрицания (*Станет он тебя слушать! Хорош друг!*);

6) использование специальных конструкций – специализированных структурных схем предложения или схем построения его компонентов, например построений типа (*Нет, чтобы подождать*) – для выражения сожаления по поводу чего-либо неосуществившегося.⁶⁵(Ляпон, 1990 : 303).

Так, Е. В. Кочеткова отмечает, что модальная оценка имеет свою структуру, и, несмотря на множество компонентов (субъект оценки, объект оценки, собственно оценка и критерий оценки), сама модальная оценка может определяться только высказыванием в целом, а не каким-либо компонентом, взятым в отдельности.

По мнению И. Р. Гальперина, неопытный читатель, увлеченный развертыванием фабулы, чаще всего не замечает обычно скрытой субъективной модальности, которая окрашивает отдельные эпизоды, события, факты, он находится в плену собственной интерпретирующей тенденции (апперцепция) и не подготовлен к критической оценке субъективно-модального значения излагаемых фактов и общей концепции автора⁶⁶.

1. 5. Отрицательная и положительная оценка в публицистическом тексте: специфика речевой репрезентации

⁶⁵Ляпон, М. В. Модальность // Лингвистический энциклопедический словарь – М.: Сов. Энциклопедия, 1990. – С. 303 – 304.

⁶⁶Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования / И.Р. Гальперин; отв. ред. чл.-кор. АН СССР Г.В. Степанов. – Изд. 7-е. – Москва : URSS Книжный дом "Либроком", 2009. С. 121 –122.

Оценочная зона «+» чаще всего ориентирована на отношение субъекта к событию, а зона «-» предполагает указание на свойства и действия объекта (Вольф, 1985). Поэтому способы выражения отрицательной оценки более разнообразны в собственно семантическом плане⁶⁷.

А. А. Тертычный, определяя оценку в журналистике, указывает на «установление соответствия или несоответствия тех или иных явлений потребностям, интересам, представлениям (критериям оценки) тех или иных людей». То есть журналист должен уметь достоверно, убедительно оценить явление для себя и для окружающих. А. А. Тертычный дает следующее определение оценки: «оценка – это отношение человека к анализируемому предмету»⁶⁸.

В «Стилистическом энциклопедическом словаре» под редакцией М. Н. Кожинной говорится, что воздействующая функция публицистического стиля обуславливает наличие и формирование оценочной лексики – прежде всего концептуальной, т. е. идеологической, общественно-политической (концептуальные слова, как правило, оценочны). Это наиболее важный разряд публицистического стиля, ключевые слова, характеризующие социально-политическую направленность газетно-публицистического текста. Воздействующая функция формирует и большой разряд оценочной (неконцептуальной) лексики.

Социальная оценочность – одна из главных особенностей языка газеты (публицистики), нуждающейся не только в номинации явлений, фактов, событий, но и в их социальной оценке, интерпретации. Социальная оценочность определяет главные языковые процессы, происходящие в недрах публицистического стиля. Так, для периода 70 – 80-х гг. XX в. было характерно обусловленное идеологическими причинами резкое

---

⁶⁷Голотвина Н. В. Средства выражения оценки в старофранцузском эпосе : дис. ... канд. филол. наук. Санкт-Петербург, 1999. С. 18.

⁶⁸Тертычный А.А. Жанры периодической печати: Учебное пособие. – М.: Аспект Пресс, 2000. С. 28.

разграничение языковых средств на позитивно- и негативно-оценочные. В 90-е годы действие социальной оценочности сохраняется, но она принимает более тонкие формы: исчезает резкое разделение языковых средств на положительные и отрицательные, многие слова меняют знак оценки на противоположный или нейтрализуются. Широкое распространение получает ирония как средство не прямой оценки, позволяющая в условиях отсутствия в обществе четких идеологических ориентиров избегать выражения собственных позиций.

Так, социальная оценочность проявляется и на уровне речи, прежде всего в ее структуре. Специфика публицистической речи определяется во многом характером публицистического субъекта – автора – конкретную личность, подлинного, реального, «частного» человека. Отсюда документальность, эмоциональность, субъективность публицистической речи.⁶⁹

Об особой эмоционально-оценочной тональности разговорной речи пишут Е. А. Земская, Т. В. Матвеева, М. А. Кормилицына и др. Особенно важно создавать такую тональность речи публицистам, которые открыто и прямо агитируют, убеждают адресата. Функция убеждения, воздействия, как известно, здесь первична. Оценка дается прямо и открыто и базовыми единицами поля оценки «хорошо / плохо», и эмоционально-оценочными словами, и специальными высказываниями.

Открытая оценочность речи особенно ярко проявляется в полемике, в критике противоположного мнения, в различных оценках освещаемых событий. Для выражения оценки используется широкий круг качественно-оценочных прилагательных и существительных, средства фразеологии, экспрессивного синтаксиса и др. Для выражения оценочного содержания также нередко используется нейтральная лексика с рационально-оценочной

---

⁶⁹Стилистический энциклопедический словарь русского языка [электронный ресурс] / под ред. М.Н. Кожинной; члены редколлегии: Е. А. Баженова, М. П. Котюрова, А. П. Сковородников. – 2-е изд., стереотип. — М.: Флинта: Наука, 2011. С. 313 – 314.

коннотацией, известной носителям данного языка из общественного или национального опыта.

Авторские оценки могут быть рациональными по смыслу и развернутыми по форме, тогда они выражаются в отдельных микротекстах и входят в логическую схему текста на правах отдельных логических тезисов. Оценочные тезисы выступают логическим продолжением основного или развивающего тезисов⁷⁰.

В другом случае авторская оценка бывает разлита по всему тексту, при этом оценочные единицы, вкрапленные во многие микротексты, оценочно окрашивают весь текст. Кроме того, в современной публицистике распространены тексты, которые вообще не содержат сигналов оценочности. Все фрагменты такого текста носят объективно-логический характер, однако они komponуются автором таким образом, что предполагают вполне определенную социальную оценку предмета речи. В этом случае читатель самостоятельно выводит оценочную идею автора из объективно-логического содержания текста.

В целом современная публицистика избегает прямых, лобовых оценочных выводов. Открытому выражению эмоций и оценок журналисты предпочитают опосредованное воздействие на адресата – через отбор фактов и их качественную характеристику⁷¹.

Как отмечает Н. И. Клушина, для манипулирования общественным сознанием используется множество различных приемов. Но наиболее значительным и действенным является формирование оценки высказывания журналистом. Причем оценка (положительная или отрицательная) задана, она заложена в сообщение, но ее присутствие в тексте не навязывается, а

---

⁷⁰Там же. С. 144.

⁷¹Нетреба М. М. Категория оценки в современных публицистических текстах // Журнал научных публикаций аспирантов и докторантов. 2013. URL: <http://jurnal.org/articles/2013/fill34.html> (дата обращения: 16.05.2016).

исподволь внушается адресату. Адресат вслед за автором воспринимает заданную оценку на суггестивном, эмоциональном уровне⁷².

Так, пишет исследовательница, наиболее незаметным для адресата оценочным способом является внедрение фактологической информации в концептуальную. Умелый подбор фактов, акцентирование только одной стороны явления (нужной автору) и затушевывание другой, а иногда и умолчание помогают рисовать образ события в черных либо розовых тонах.

В качестве основных средств выражения оценочности в публицистике Н. И. Клушина приводит оценочные метафоры, которые призваны организовать общественное мнение, создать у адресата нужный адресату яркий, зримый образ, суггестивно влияющий на восприятие информации под заданным углом: *Конечно, далеко не все работы Ли Уфана столь милы и безобидны* (Деловой Петербург, «Выставка "Ли Уфан: Трость титана" проходит в Эрмитаже», 1. 04. 2016 г.).

Оценка с помощью эвфемизмов (замены слов и выражений, представляющихся говорящему грубыми, неприличными, на эмоционально нейтральные синонимы) – действенный публицистический прием создания положительного образа или нейтрализации негативного впечатления для утверждения нужных идей. Например: *Сначала – резкое неприятие. Сплошная неправда* (Санкт-Петербургские ведомости, «Утомленные мраком», 25. 04. 2016 г.).

Для создания оценочных номинаций используется прием «скорнения» слов, построенный на контаминации разных слов. В результате этого приема стирается прежняя внутренняя форма слов-доноров и создается новая прозрачная внутренняя форма, ярко выражающая определенную оценку. Так, производные от нейтральных существительных «коммунист» и «демократ» в современных публицистических текстах резко оценочны. Каждое из данных слов послужило опорой для создания целых парадигм резко отрицательных

⁷² Клушина Н. И. Интенциональные категории публицистического текста в аспекте коммуникативной стилистики : дис. ... д-ра филол. наук. М., 2008. С. 148.

номинаций своих идеологических противников с помощью приема «скорнения»: «КПССовцы», «коммуноиды», «коммунофашисты», с одной стороны, и, с другой – «демокрады», «демонократы», «демозавры» и т.

Глава 2. Коммуникативный сценарий рецензии на произведения искусства и речевая форма выражения отрицательной эстетической оценки

2. 1. Коммуникативный сценарий: границы понятий

Ценностные отношения в языке передаются не только семантическими характеристиками. Несмотря на тесную связь оценки с семантикой, она также связана с прагматическим аспектом высказывания. Как отмечают исследователи, оценочные слова, будучи прямо связаны с говорящим субъектом и отражая его вкусы и интересы, в то же время содержатся в высказываниях, соответствующих ситуации выбора (принятия решения) и побуждения к действию (Арутюнова, Падучева 1985, с. 13; Hare, 1972, p. 136). Таким образом, оценка отражает прагматический аспект знаковой ситуации и связана с коммуникативной целью речевого акта, программирующего действие. Коммуникация предполагает наличие двух (и более) общающихся – отправителя речи (или субъекта) и получателя речи. В разных теориях речевой деятельности второй участник коммуникации именуется по-разному: рецептор, интерпретатор, слушающий, аудитория, декодирующий, собеседник, адресат⁷⁴.

Л. М. Землянова в словаре «Коммуникативистика и средства информации» отмечает, что в переводе на русский язык английское слово *communication* может означать связь, сообщение, средство связи, передачу сведений, мыслей, новостей, известие, информацию. В коммуникативистике все эти значения фигурируют в разных концептуальных контекстах и интерпретируются в зависимости от тех или иных методологических позиций. Маклюэннизм выдвигает на первый план изучение коммуникаций как технических средств (языков) связи. Теоретики семиотического

---

⁷⁴Голотвина Н. В. Средства выражения оценки в старофранцузском эпосе : дис. ... канд. филол. наук. Санкт-Петербург, 1999. С. 18 – 19.

направления занимаются анализом знаковой атрибутики коммуникационно-информационных языков. Социологический подход сосредоточивает на коммуникабельности информационных средств межличностных, межгрупповых и международных общений и в этой связи рассматривает такие кардинальные проблемы, как коммуникация и комьюнити или коммуникация и органы власти, руководства, управления⁷⁵.

Мы исследуем понятие «коммуникативный» в аспекте речевой коммуникации. По мнению О. С. Иссерс, речевая коммуникация – это стратегический процесс, базисом для него является выбор оптимальных языковых ресурсов. Передача сообщений в процессе коммуникации может быть рассмотрена как серия решений говорящего. Большинство из них принимаются неосознанно, автоматически, однако ряд ситуаций требует осознанного поиска. О. С. Иссерс отмечает, что в процессе речевого общения принимаются следующие типы решения: передать или не передать сообщение, определить семантический «ракурс», выбрать лексическое наполнение, поверхностную синтаксическую структуру, последовательность фраз и коммуникативных шагов⁷⁶.

В Большом энциклопедическом словаре под редакцией А. М. Прохорова сценарий (от итал. *scenariò*) определяется как 1) краткое изложение содержания пьесы, сюжетная схема, по которой создаются представления (спектакли) в театре импровизации, балетные спектакли, массовые зрелища и др. 2) Литературное произведение, предназначенное для воплощения с помощью средств киноискусства и телевидения. 3) В прогнозировании – система предположений о течении изучаемого процесса, на основе которой разрабатывается один из возможных вариантов прогноза (А. М. Прохоров, 1993 : 267)⁷⁷.

⁷⁵Землянова Л. М. Коммуникативистика и средства информации: Англо-русский толковый словарь концепций и терминов: М.: Изд-во Моск. ун-та, 2004. С. 66.

⁷⁶Иссерс О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. Изд. 5-е. — М.: Издательство ЛКИ, 2008. С. 10.

⁷⁷Большой энциклопедический словарь / Гл. ред. А.М. Прохоров. – М. ; СПб : Сов. энцикл. Фонд "Ленингр. галерея", 1993. С. 267.

В. З. Демьянков в Кратком словаре когнитивных терминов характеризует сценарий как разновидность структуры сознания (репрезентации), одно из основных понятий концепции М. Минского. Сценарий вырабатывается в результате интерпретации текста, когда ключевые слова и идеи текста создают тематические («сценарные») структуры, извлекаемые из памяти на основе стандартных, стереотипных значений, приписанных терминальным элементам. Индивидуальные утверждения, находимые в дискурсе, приводят к временным представлениям (соответствующим понятию «глубинной структуры»), быстро перестраиваемым или усваиваемым по ходу работы над разрастающимся сценарием. Уровни сценарной структуры (Minsky 1980: 16):

1. Поверхностно-синтаксический фрейм – обычно структуры вида «глагол + имя». Отвечает, среди прочего, конвенциям о представлении предложных конструкций и о порядке слов.

2. Поверхностно-семантический фрейм: значения слов, привязанные к действию. Это квалификаторы и отношения, связанные с участниками, инструментами, траекториями движения и стратегиями, с целями, следствиями и попутными эффектами.

3. Тематические фреймы – сценарии, связанные с топиком, деятельностью, портретами, окружениями.

4. Фрейм повествования – скелетные формы типичных рассказов, объяснений и доказательств, позволяющие слушающему сконструировать полный тематический фрейм. Такой фрейм содержит конвенции о том, как может меняться фокус внимания, о главных действующих лицах, о формах сюжета, о развитии действия и т. п.⁷⁸.

Таким образом, коммуникативный сценарий относится к ситуации речевого взаимодействия и находится на пересечении теории речевых актов прагмалингвистики, поскольку предполагает учет человеческого фактора, то

---

⁷⁸Краткий словарь когнитивных терминов / Е.С. Кубрякова, В.З. Демьянков, Ю.Г. Панкрац, Л.Г. Лузина; Под общ. ред. Е.С. Кубряковой. - М : Филол. фак. МГУ, 1996. С. 181.

есть учет коммуникативных целей коммуникантов; когнитивизма, поскольку включает отчасти анализ мыслительных процессов; и, естественно, теории коммуникации.

Предложены и другие определения. В. И. Шляхов дает следующее определение сценария речевого взаимодействия. «Сценарий – это, с одной стороны, свернутая когнитивная модель (схема) речевого поведения, хранящаяся в долговременной памяти, с другой стороны, это словесная реализация этой модели собеседниками»⁷⁹.

Повторение неких сценариев, речевых схем, стереотипов, образцов (паттернов), облегчает коммуникацию, а иногда вообще делает ее возможной. В основе типологии сценариев лежит теория речевых актов. И речевые акты, и сценарии являются речевыми сообщениями, а потому им присущи общие функции. Существует некоторое количество систем классификации речевых актов, наиболее часто применяют классификацию Дж. Серля, согласно которой по иллокутивной цели высказывания выделяют репрезентативы, комиссивы, директивы, декларативы и экспрессивы.

В. И. Шляхов аналогичным образом выделяет некоторые классы сценариев:

1) «Уговоры. Убеждения. Требования. Просьбы». Доминирует волюнтаривная функция.

2) «Знакомства. Прощания. Приветствия». Конвенциональные, этикетные события.

3) «Делиться впечатлениями. Признаваться в своих чувствах. Выразить раздражение и т.п.». Реализация эмотивной функции.

В. И. Шляхов также указывает: «Если главным тезисом информационно-кодовой модели является мысль о том, что главное в общении – передать информацию так, чтобы она была понята, то в интеракционной модели общения на первый план выдвигается принцип

---

⁷⁹Шляхов В. И. Сценарии русского речевого взаимодействия в теории и практике преподавания русского языка иностранцам : автореф. дис. ... док. пед. наук. М., 2009. С. 4.

взаимодействия, кооперации. Вместо формулы «Я говорю, ты понимаешь» используется другая: «Мы вместе стараемся понять друг друга». В дискурс-анализе утверждается мнение, что роль слушателя в коммуникации так же важна, как и роль говорящего».

В. И. Шляхов, помимо сказанного выше, также отмечает, что парафразирование, то есть прояснение смысла сказанных слов, является одним из основных способов толкования речевых актов. Понимание косвенных речевых актов тесно связано с вопросом понимания метасмысла. В. И. Шляхов определяет метасмысл следующим образом: «Упрощенно говоря, метасмысл – это все то, что не сказано, не выражено в словах собеседника (автора) и что надо осознать слушателю (читателю), если он хочет понять смысл сказанного, смысл текста».

Важную роль в общении играет речевой опыт, который является свидетельством того, что некие ситуации повторялись, что они типичны. Следовательно, говорящий знает, как нужно вести себя в конкретной ситуации, которую он понимает как типичную и соотносит с уже прожитыми. Также в человеческом сознании существуют некоторые ограничения свободы речевого поведения, это правила понимания метасмысла, дополнительной информации, которая не выражена вербально (намек, сокрытие информации, ирония).

Лингвистическая прагматика говорит о правилах дешифровки иллокутивного акта (коммуникативная цель высказывания), эти конвенциональные правила находятся в единстве с когнитивными схемами, детерминирующими речевое поведение говорящих. Существование правил перекодирования схем в речевые акты обеспечивают возможность взаимопонимания между коммуникантами, при этом в обыденном общении эти правила не осознаются.

В русском языке существует большое количество глаголов, называющих сценарии речевого поведения: советовать, допрашивать, выяснять, намекать, иронизировать и т.д. Языковая рефлексия позволяет

соотносить коммуникативное событие и его название, продвигаться от одного к другому в обоих направлениях, восстанавливать вероятные речевые цепочки и прогнозировать коммуникативные события в рамках сценария.

В. И. Шляхов представляет основные постулаты теории речевых актов следующим образом:

1. Речевые акты не равны предложению, то есть их смысл не выводится из значений лексики предложения.

2. Речевые акты следует наблюдать и анализировать только в речевой среде, в дискурсе.

3. Речевые акты осуществляются говорящим с определенной целью и определенной силой.

4. Многозначность речевых актов устраняется, если понимать намерения говорящих. Смысл словами передает говорящий.

5. Существуют перформативы, слова, которые называют действие. Я тебе приказываю, советую, рекомендую, прошу, чтобы ты и т.п.

6. Лингвисту не составляет особого труда назвать любое речевое действие.

7. Существуют прямые и косвенные речевые акты. Прямые – это слова, которые вне контекста общения имеют тот же смысл, что и в дискурсе.

8. Закономерности речевого общения нельзя понять без изучения непрямых речевых актов, таких, как ирония, намеки, эвфемизмы, метафорические высказывания.

Базовое понятие в теории коммуникативных сценариев – это стратегия. В.И. Шляхов указывает, что существуют, по меньшей мере, три стратегии передачи информации:

- нейтральная стратегия заинтересованного лица;
- стратегия передачи информации в негативном свете;
- стратегия позитивного освещения фактов и событий.

В речевой деятельности тактика и стратегия неразрывно связаны. Стратегия – это некий план, тактика – способ его достижения. Во время

речевого взаимодействия человек может менять тактики в соответствии с коммуникативной ситуацией.

Стратегии верховенствуют над другими составными частями сценария по ряду причин. Такие важнейшие элементы речевого производства, как планирование, целеполагание, связность, неразрывно связаны со стратегиями и тактиками речевого взаимодействия. Реализованные в речи стратегии и тактики поддаются анализу, их можно выявить, интерпретировать и представить в виде общих схем. Многие характеристики стратегий и тактик сближают их со сценариями. И все же стратегии и тактики «меньше» сценария, они, являясь механизмом реализации замыслов высказываний говорящих, входят составной частью в сложное целое, каким является сценарий.

Сценарии обладают отличительными признаками, которые нельзя отнести к стратегиям. Роли говорящих, их психологическое состояние, история взаимоотношений, социальный статус – эти переменные величины сценария влияют на тактики и стратегии данного сценария, но не являются самими тактиками и стратегиями.

В научной литературе описаны две основные коммуникативные стратегии – доминирования (персуасивности) и сотрудничества (кооперации). Промежуточную стратегию можно назвать стратегией неуверенного, колеблющегося человека. В результате речевого взаимодействия колеблющийся человек рано или поздно перейдет к стратегии противодействия или сотрудничества.

Многочисленные тактики обслуживают персуасивные и кооперативные стратегии. Например, стратегию сотрудничества обслуживают тактики ведения унисонного разговора. К ним относятся, например, слова одобрения, совместный поиск формулировок, подсказки, добровольное сообщение нужных для партнера сведений, сигналы внимательного и заинтересованного собеседника и т. п. К стратегии доминирования относятся тактики демонстрации морального, физического, интеллектуального превосходства,

речевого давления, принуждения собеседника изменить точку зрения или модус поведения, подчиниться политическому или рекламному воздействию.

Следует отметить, стратегий немного, они определяют основную цель общения – от замысла общения к его реализации. Тактик множество, они обеспечивают гибкость в общении.

Стратегия речевого поведения, избранная говорящими, считается ошибочной, если она не приводит к нужному результату общения. Таким образом, речевые поступки связываются в цепи тактиками, а тактики подчиняются стратегии.

Стратегии, тактики, сценарии речевого взаимодействия, как правило, используются и интерпретируются собеседниками интуитивно, без участия сознания. Сложным остается вопрос о том, как собеседники понимают друг друга, если в словах передается далеко не полная информация. Намеки, скрытая угроза, ирония, умолчания – все эти фигуры речи не поддаются дешифровке, если ограничиться только лингвистическим кодом, то есть пользоваться лишь знаниями словарных значений слов и грамматического устройства языка.

При этом слушатель – такой же важный участник общения, что и говорящий. Слушатель и говорящий вместе участвуют в созидании взаимопонимания. Передавая словами некие мысли, говорящий пользуется особыми правилами, кодами передачи смыслов. Этими же правилами пользуется слушатель, чтобы понять собеседника.

Существует понятие множественности кодов, ими пользуется говорящий, вкладывая тот или иной смысл в слова. Например, слова приобретают личностный смысл, если сопровождаются информацией о психологическом состоянии говорящего, об избранных им стратегиях речевого поведения и т.п. В свою очередь, слушатель применяет для декодирования код конвенций, код лингвистики, код психологии, код предшествующих знаний о человеке и пр.

Коммуникативных сценариев существует очень много. Люди могут уговаривать, ссориться и мириться, расспрашивать, сплетничать, объяснять непонятное, сомневаться, обсуждать сообщения и т.п. Каждый из этих и всех прочих сценариев можно анализировать, раскладывая на составные части.

Отрицательная оценка может выражаться с использованием любой из двух основных стратегий – доминирования и сотрудничества, разница в том, что при стратегии сотрудничества отрицательная оценка выражается сочувственно и в контексте предложения помощи, не предполагая конфликта; а при стратегии доминирования – как упрек, побуждение адресата к тем или иным действиям, с целью изменения его состояния. Осознание адресатом направленного на него воздействия часто вызывает сопротивление⁸⁰.

2. 2. Доминирующие типы оценок

Рассмотрим, как на практике в современной публицистике коммуникативные сценарии используются для выражения отрицательной оценки произведений искусства с учетом следующей классификации:

– слабая негативная оценка реализуется в коммуникативных сценариях просьбы, убеждения, уговора и др.;

– средняя негативная оценка – коммуникативных сценариях замечания, предложения, совета, инструкции и др.;

– сильная негативная оценка – в коммуникативных сценариях угрозы, приказа, требования, запрета и т.п.

Отметим, что в периодических изданиях Санкт-Петербурга, таких как «Санкт-Петербургские ведомости» и «Деловой Петербург» отрицательная оценка балетных спектаклей очень редка. Фактически только четыре текста из рассмотренных пятнадцати публикаций содержат в себе сильную негативную оценку балетных спектаклей. Причем один из этих текстов

---

⁸⁰Понятие речевого сценария. URL: <http://repetitora.com/ponyatie-rechevogo-scenariya> (дата обращения: 17. 05. 2016).

(«"Реквием" к юбилею») представляет собой отрицательную рецензию спектакля, другой текст («Николай Цискаридзе – хозяин улицы России») дает беглую и отрицательную характеристику театру оперы и балета. Третий и четвертый («Столица и станица», «Отставка года. Начо Дуато») дают столь же беглую, но чуть менее отрицательную характеристику искусству целого города.

Далее рассмотрим тексты публикаций по отдельности.

Наиболее острую негативную оценку балетному спектаклю дает Игорь Шнуренко в публикации «"Реквием" к юбилею» (Деловой Петербург, 31.01.2014 г.). Субчастью коммуникативного сценария в этой публикации является «упрек», несколько замаскированный недружелюбным юмором. Автор упрекает создателей балетного спектакля за отсутствие хорошего вкуса, а также за использование навязчиво повторяющихся излишне драматизирующих действие изобразительных приемов, и в публикации перечисляет все недостатки этого спектакля, то есть последовательно высказывает создателям спектакля ряд частных упреков, суммирующихся в итоге в общий упрек.

Публицисты и историки боялись, что 70-летие снятия блокады будет сопровождаться появлением муляжных трупиков на саночках, – и они оказались правы.... Саночки в большом количестве возили на премьере балета Бориса Эйфмана "Реквием", который маэстро показал в присутствии президента Путина вечером 27 января.... Весь второй акт по сцене туда-сюда возили саночки с трупами.

Блокадные саночки с трупами – трагический элемент блокадного Ленинграда, вследствие частого использования превращающийся в некий штамп и далеко не всегда уместный.

Компанию первому лицу государства составили первые лица российского газа, нефти, банков, Совета Федерации и далее по ранжиру, остальная публика также представляла собой список "кто есть кто в высшем обществе Петербурга".

Упрек, скорее, не по теме балета, а по более общей причине социального неравенства в современном обществе, которая автору статьи не нравится.

Владимир Кожин о чем-то долго говорил с Николаем Цискаридзе, оба были в интеллигентных очках, Кожин – в тонких, а Цискаридзе – в массивных, Кожин в галстуке, а Цискаридзе – без. И.о. ректора Вагановки был гладко, до синевы, выбрит, его непокорные обычно волосы были в этот раз тщательно уложены. Говорили, разумеется, об искусстве – о чем еще могут говорить два интеллигента в Петербурге на балетной премьере?

Упрек В. Кожину и Н. Цискаридзе за то, что они были в очках, выбриты и причесаны, и беседовали между собой. Совершенно глупый и безосновательный упрек, но раздраженный автор даже в этом находит повод уколоть балетных деятелей.

"Виртуозы Москвы" под управлением Спивакова в первом акте прекрасно исполнили "Камерную симфонию" Дмитрия Шостаковича, которую композитор написал в 1960 году в Германии. .... Считается, что это сочинение, где использована тема революционной песни "Замучен тяжелой неволей", посвящено трагичным испытаниям 1930-х годов.

Упрек создателям спектакля за то, что они использовали вообще неподходящую по теме музыку. На празднование 70-летия снятия Блокады пустили музыку, посвященную репрессиям 1930-х годов.

Танцовщицы, одетые в мрачные робы, с самого начала стали ходить по кругу, старательно, с заламыванием рук, изображая страдания.

Упрек в бездарности балетной постановки.

Мне кажется, это зрелище должно было потрафить президенту: сравнение изображаемой условной тоталитарной деспотии с современной Россией все же явно в пользу последней.

Упрек в желании понравиться президенту России, польстить начальству.

Так продолжалось довольно долго, потом танцовщики вышли все в белом и выстроились в гимнастическую пирамиду. Олимпиада, в ужасе подумал я, и посмотрел на окружающих. Но, кажется, никто не уловил аллюзии.

Упрек в использовании олимпийских мотивов. Текст написан еще за два месяца до Олимпиады в Сочи, тогда почти каждый демократический журналист вообще должен был ерничать над Олимпиадой и пророчить ей провал.

В антракте VIP-гостей увели в закрытый буфет, у дверей которого возникли охранники, очень похожие на только что изображенных в балете работников того же ведомства (такие же красивые).

Автор подчеркивает, что для отдельной категории зрителей имеется отдельный буфет, тем самым выказывая свое недовольство по этому поводу.

На сцене в это время разворачивались какие-то истории, хотя балет и был объявлен бессюжетным. Кажется, мастер и ученик боролись за обладание музой, а может быть, это были две стороны одного мастера, темная и светлая. Видимо, в произведение вошли эпизоды из эйфмановского балета 20-летней давности на тему "Реквиема" Моцарта, которые никак не относятся к блокаде.

Упрек создателям спектакля за то, что они использовали вообще неподходящую по теме музыку, и старую балетную постановку, уже два десятилетия известную и созданную по другому поводу. И, попутно, упрек в бездарности балетной постановки, в плохой работе постановщика, и, возможно, в плохой работе танцоров.

Идеологически ход выверен: сегодня политкорректно рассказывать о блокаде как об аде без смысла и значения. Не случайно все громче звучат голоса тех, кто считает, что Ленинград нужно было сдать. Не стоит педалировать то, что город работал и сражался, потому что сразу возникает ненужная, неpolitкорректная тема немцев и финнов. Нет, в этот ад души попадают за свои грехи, и точка...

Упрек выходит за рамки балетного спектакля, он обращен вообще к существующей тенденции пересматривать факты Второй мировой войны с учетом современных интересов.

В целом весь текст представляет собой цепочку упреков, логично и с соблюдением общего смысла связанных друг с другом и создающих общее впечатление о тексте как об одном большом и мотивированном упреке.

Забегая вперед, можно сказать, что именно упрек оказался основным коммуникативным сценарием при выражении отрицательной оценки балета в современной петербургской прессе. Поэтому рассмотрим именно упрек более внимательно на основании анализируемого газетного текста.

Упрек относится к числу промежуточных коммуникативных сценариев, т. е. в зависимости от условий коммуникации упрек может быть как кооперативным, так и конфронтационным. Стратегическая направленность на сотрудничество – доброжелательный тон, выражающий искреннее желание говорящего придать диалогу положительный эмоциональный фон и конструктивность – характеризует упрек как положительную тактику. Стратегическая установка на конфликт – категоричность упрека, интенсивность воздействия, назидательный или обвинительный тон, авторитарность характеризует упрек как негативную тактику.

В соответствии с классификацией речевых актов по коммуникативной цели говорящего упрек относится равно к директивным и эмотивным речевым актам, поскольку основная коммуникативная цель говорящего не информировать (в противоположность коммуникативным сценариям типа сообщения, подтверждения, запроса, согласия и т. д.), а сообщать о личностных ощущениях (упрек содержит личную оценку) и изменить поведение собеседника, побудить его к определенным действиям, в этом упрек сближается с такими коммуникативными сценариями, как приказ, просьба, запрет, мольба, совет, рекомендация, распоряжение, обещание и т. п.

Упрекая, например, создателей балетного спектакля в том, что они использовали такой неоднозначный прием, как катание по сцене блокадных

саночек с муляжами трупов, автор одновременно дает им совет, обращается к ним с невысказанной прямо просьбой – не делать этого больше.

Но упрек – это не только директив, а упрек – это комплексный коммуникативный сценарий. Как правило, он включает в свой состав побудительный коммуникативный сценарий (например, просьбу или совет, или приказ, или требование, или запрет, или убеждение и др.) и информативный (сообщение или объяснение). Когда автор делает упрек, он может (не всегда) обосновать его: неуместность использования «Камерной симфонии» Д. Шостаковича на спектакле, посвященном снятию блокады, обосновывается тем, что эта симфония была посвящена репрессиям 1930-х годов.

Упрек как речевая тактика может включать разнообразные коммуникативные (речевые) шаги: обращение, приветствие, риторический вопрос, шутку и некоторые другие. Они, как фрагменты речевой тактики упрека, формируют качественное ее развитие, поддерживают необходимую положительную тональность общения. Их отсутствие говорит, скорее всего, о том, что коммуникант, высказывающий упрек, не намерен заботиться об эмоциональном и психологическом состоянии адресата.

Таким образом, упрек как коммуникативный сценарий – это императивное речевое действие или цепочка речевых действий, имеющих целью изменение поведения собеседника или эмоционального состояния.

Дадим общую характеристику коммуникативного сценария упрека.

Коммуникативная цель: воздействовать на адресата, побудить его изменить свое поведение или состояние; ослабить или устранить негативные действия или последствия, причиной которых является адресат.

Концепция автора: говорящий предполагает, что адресат является причиной каких-либо огорчений автора (или кого-либо, чьи интересы ему не безразличны), и намерен изменить поведение адресата, т. е. он лично заинтересован в достижении указанной коммуникативной цели.

Концепция адресата: не обладает немедленной готовностью изменить свое поведение, однако может подчиниться побуждению, направленному на него, равно как и воспротивиться этому воздействию.

Событийное содержание: упрек включает побуждение адресата к изменению его поведения и сообщение о причинах целесообразности этого изменения.

Фактор коммуникативного прошлого (коммуникативный контекст): упрек – реактивная речевая тактика, так как мотивировано какими-либо предшествующими высказываниями (или поступками), реакцией на которые оно является.

Фактор коммуникативного будущего (коммуникативный контекст): предполагает реакцию адресата в виде выполнения побуждения или словесного выражения, реализующегося в речевых тактиках извинения (*Извините*), согласия (*Да, я согласен: так нельзя себя вести*), оправдания (*Я не хотел, я не думал, что...*), обещания (*Мы больше не будем*), объяснения (*Я просто хотел как лучше*) и т. п. или несогласия (*Вы вначале докажете, что это я сделал*), лжи (*Это не я*), игнорирования автора или темы (*Подумаешь! Велика беда!*), молчания (продолжение нежелательных для адресанта действий), угрозы (*Повыступай еще!*), оскорбления (*Сама дура!*) и т. п.

Языковое воплощение упрека включает в свой состав, во-первых, конструкции, выражающие прямо или косвенно побудительные интенции; во-вторых, аргументированное сообщение, обосновывающее побуждение.

Отрицательный эмоциональный фон при использовании речевой тактики упрека формируется за счет ограничения возможностей выбора действий адресатом. Это свойственно конфликтным речевым тактикам, цель которых воздействовать на адресата, побудить его делать или не делать что-либо. Если при этом выбираются интенсивные, экспрессивно-эмоциональные средства языка, то воздействующий эффект усиливается и взаимодействие становится тем конфликтнее, чем активнее эти средства используются для достижения цели.

Однако применимость концепции коммуникативного сценария (любого) к газетному тексту, и вообще к любому письменному тексту имеет некоторые ограничения.

Понятие коммуникативного сценария применяется прежде всего к диалогическому взаимодействию. Упрек как коммуникативный сценарий представляет собой именно диалогическое взаимодействие, диалог с установкой одного из коммуникантов на конфликт, и характеризуется четким разделением ролей коммуникантов, выполнение которых обусловлено их социальными позициями. Эти социальные позиции часто не равны: во-первых, один из коммуникантов может находиться в положении зависимости от другого (ребенок и взрослый, и т. д.) и, встречаясь с нарушениями коммуникативных норм с его стороны, – грубостью, бестактностью, не может ответить тем же. Во-вторых, часто неравенство усиливается позицией, обусловленной деловыми отношениями типа «начальник – подчиненный»: подчиненный не всегда может возражать начальнику и вообще иметь собственное мнение. На почве профессиональной позиции старшего, главного в каком-то деле у начальника иногда развивается синдром вседозволенности, выражающийся в нарушении профессиональных и этических норм, в стремлении манипулировать поведением тех, кто подчинен ему.

Пусковым механизмом подобной конфликтной формы реагирования на действительность является установка коммуниканта на конфликт, сформировавшаяся под воздействием различных факторов. Это могут быть или глобальные социальные факторы, например, устройство общества в целом или в данном учреждении в частности; или факторы, обусловленные воспитанием или образованием человека, например, приобретение негативных образцов поведения в школе и семье; или личностные факторы, связанные с психологическим типом личности, его ценностными ориентациями, например, восприятие / невосприятие самооценности собеседника; или ситуативные факторы, например, эмоциональное состояние

к моменту взаимодействия, неприятности, плохое самочувствие и т. д. Установка проявляется в различных поступках коммуниканта, но прежде всего в речи.

Итак, упрек как коммуникативный сценарий относится к воздействующим тактикам: цель субъекта речи побудить адресата к тем или иным действиям. Выбор средств побуждения зависит от разных факторов. В частности, характер упрека в сочетании с другими речевыми тактиками определяется, во-первых, социальными отношениями между коммуникантами: зависимость – независимость одного от другого (общение на равных или неравноправные позиции); во-вторых, отношением коммуникантов к осуществлению действия: заинтересованность – незаинтересованность в выполнении адресатом побуждения к действию и в совершении императивного действия адресантом, признание адресатом целесообразности и необходимости осуществления действия, к которому адресант побуждает адресата; в-третьих, информацией о самих субъектах коммуникативного сценария их психологической и коммуникативной установках, уровне речевой культуры. Сочетание этих факторов определяет то, как сложится взаимодействие.

Таким образом, коммуникативные сценарии упрека могут быть разными: положительными и отрицательными.

Сценарий 1. Я побуждаю тебя к изменению поведения или эмоционального состояния, чтобы ослабить или устранить вероятные негативные последствия твоих действий, и выражаю при этом свое положительное отношение к тебе, потому что хочу помочь тебе (и другим).

Сценарий 2. Я побуждаю тебя к изменению поведения или эмоционального состояния, чтобы ослабить или устранить вероятные нежелательные последствия твоих действий, и выражаю при этом негативное отношение к тебе, потому что недоволен тобой.

В основе сценариев лежат разные прагматические цели говорящего, которые выражены в последней части каждого сценария. Они, как правило,

не эксплицируются в коммуникативный сценарий упрека, но именно они определяют выбор говорящим того или иного сценария, его качественное содержание и направляют коммуникацию в сотрудничество или конфликт⁸¹.

Далее менее подробно рассмотрим другие тексты, они меньше по объему и дают меньше материала для анализа, но в целом содержат аналогичные коммуникативные сценарии – сценарии упрека.

В материале того же самого Игоря Шнуренко «Николай Цискаридзе – хозяин улицы Росси» (Деловой Петербург, 25. 12. 2013 г.) между делом, как о само самой разумеющемся факте сказано, что московский Большой театр поражен бактериями «*коррупции, насилия, лжи, ненависти, цинизма и нигилизма*», разъедающими «*это уважаемое учреждение*», и что люди, работавшие ранее в Большом театре, должны «*продезинфицироваться*» для избавления от этих бактерий. Большой театр – это главный театр оперы и балета страны, и характеристика его таким образом дает крайне негативную оценку этому виду искусства в целом.

В тексте «Столица и станица» Игоря Шнуренко (Деловой Петербург, 25. 12. 2013 г.) говорится, что Петербург «*наконец-то научился выставлять и упаковывать свои богатые культурные достижения*».

С одной стороны, это как будто похвала, но на самом деле умение «*выставлять и упаковывать*» относится к сфере коммерции, а не искусства, и назвать умение «*выставлять и упаковывать*» главными достижениями петербургского искусства выглядит как насмешка. Это на самом деле насмешка, коммуникативную стратегию можно так и охарактеризовать – насмешка.

Положительная оценка развивается и конкретизируется в тексте, помимо прочего, отмечены и успехи в балетных спектаклях – «*столетие эпохального балета Игоря Стравинского "Весна священная"* было отмечено

---

⁸¹Воздействовать на адресата, принудить (заставить) его сделать что-либо в интересах субъекта речи / Студопедия – лекционный материал для студентов. URL: http://studopedia.ru/13_126065_pokolebat-ego-emotsionalnoe-sostoyanie-ravnovesie-virazit-negativnoe-otnoshenie-k-S.html (дата обращения: 17. 05. 2016).

постановкой хореографа с набоковским именем Саша Вальц в Маршинке, вокруг имени Стравинского во многом разворачивался и международный фестиваль "Дягилев P. S."»

Но это перечисление успехов лишь развивает общую насмешку текста над современным петербургским искусством, поскольку в нем вообще зияет *«лакуна в культурном пейзаже, а именно заброшенность искусства современного»*.

В тексте «Отставка года. Начо Дуато», помимо прочего, мимоходом отмечается *«ситуация некоторого безвременья, которую переживает у нас сегодня этот вид искусства»*, имеется в виду именно балет. И выражается неуверенная надежда, что петербургский балет теперь *«может выйти на новый уровень, тогда, глядишь, от возрождения старых шедевров перейдут и на современные темы, в чем отчаянно нуждается город»*.

Здесь также констатируется, что балет сейчас находится не в лучшей форме, и на лучшее будущее можно пока только надеяться.

Материалов, содержащих сильную отрицательную оценку в журналистских текстах, обнаружено всего четыре из семнадцати, и все четыре – опубликованы в одном и том же издании – «Деловой Петербург».

Коммуникативный сценарий в большинстве случаев можно классифицировать как «ироничный упрек», «насмешливый упрек». Хотя в публикациях и высказывается явная отрицательная оценка, но она несколько маскируется, сглаживается иронией, предложением вместе посмеяться над выявленными недостатками.

Подавляющее большинство рассмотренных текстов не содержат отрицательных оценок балетных спектаклей, среди этих текстов преобладают положительные оценки, хвалебные рецензии, позитивные характеристики деятелей балета.

Поэтому к текстам со слабой отрицательной оценкой отнесены также тексты, критикующие в той или иной мере не сам балет и не отдельные

балетные спектакли или отдельных исполнителей, а различные явления или факты, балетному искусству сопутствующие.

Такая ситуация, объективно сложившаяся в современном искусстве, в том числе и в балете, явно не вполне нормальна. Для любых фантазий и экспериментов есть место в авторских созданиях современных творцов, классические же произведения лучше оставить в покое и сохранить их в том виде, в каком их создавали авторы.

Обращаясь к тексту «Николай Цискаридзе – хозяин улицы Росси», отметим, что в нем содержится скрытая негативная оценка деятельности знаменитого современного мастера балета Николая Цискаридзе. Автор предполагает, что занявшему административный пост исполняющего обязанности ректора Академии русского балета, *«за хозяйственными и административными вопросами, скорее всего, будет не до того первые 2-3 года»*. *«Не до того»* – это значит, не до балета вообще.

Коммуникативный сценарий здесь можно квалифицировать только как упрек. Хотя в данном случае – упрек без иронии, просто как констатация факта.

В тексте «Поражение года. Тревожить прах Шекспира» (Деловой Петербург, 25. 12. 2013 г.) этим поражением названа *«попытка недружественного поглощения Мариинским театром других крупных культурных институций, среди которых называют Петербургскую консерваторию, Академию русского балета имени Вагановой и Зубовский институт»*. «Попытка недружественного поглощения» – это нечто явно корыстное, возможно, криминальное, типа рейдерского захвата. Такая характеристика главного театра оперы и балета в городе выставляет его в весьма неблагоприятном свете.

Впоследствии автор пытается сгладить неприятное впечатление, описывая остроумную шутку из фильма «Американский психопат», где главный герой, биржевик-маньяк, признается коллегам, что любит Murders & Executions, а им слышится Mergers & Acquisitions. Тем не менее,

характеристика Мариинского театра как организации, занимающейся не вполне прозрачными делами, уже дана.

Конечно, это сильная отрицательная характеристика, но она относится не к балету как таковому, а к коммерческой деятельности около балета, потому данный материал причислен к категории слабой отрицательной оценки, так как собственно балет он затрагивает только косвенно.

В тексте «Выборы в академии» (Деловой Петербург, 17. 01. 2015 г.) не только сообщается о предстоящих выборах ректора, но и говорится, что аудиторская проверка «вскрыла» в академии финансовые нарушения на сумму 60 млн. рублей.

Как и в предыдущем тексте, это сообщение имеет резко негативную оценку и изображает Академию русского балета как учреждение, где крупные финансовые средства могут быть разворованы (хотя в публикации уклончиво говорится не о хищениях, а только о «финансовых нарушениях»).

Таким образом, отрицательная оценка балетных спектаклей в рассмотренной прессе Санкт-Петербурга представлена реже, чем положительная. Газета «Деловой Петербург» – наиболее критично настроенное по отношению к балету издание. «Санкт-Петербургские ведомости» размещают тексты о балете либо с положительной оценкой, либо информационные, нейтральные, не содержащие авторской оценки.

2. 3. Отрицательно-оценочная рамка

Проанализируем, как проявляется отрицательная оценка в публикациях журнала Foreign Policy. Для начала обратимся к характеристике издания.

Foreign Policy – дословно «Внешняя политика» (то есть «Международные отношения»). Это американский журнал со штаб-квартирой в Вашингтоне. Тираж составляет более ста тысяч экземпляров, издание выходит каждые два месяца (изначально выходило раз в квартал).

Журнал был основан в 1970 году Самюэлем Хантингтоном, американским политологом, автором концепции «столкновения цивилизаций», и Уорреном Маншелем, американским дипломатом и инвестором. Издание затрагивает темы глобальной политики, экономики, мировой интеграции, политических идеологий и теории международных отношений. В начале 2006 года запущен блог *Foreign Policy Passport*, а 5 января 2009 года перезапущен сайт издания, который репозиционирован как «ежедневный сетевой журнал»⁸².

Оценочность – институциональное качество медиатекста, создаваемое одной из базовых функций журналистики, нацеленной на формирование определенного отношения массовой аудитории к тем или иным значимым событиям или фактам, явлениям окружающей действительности. Речевое выражение категории оценочности в современном медиатексте зависит от дискурсивной принадлежности произведения, речевой концепции издания, индивидуальности автора и авторских установок (интенций). Доминантное влияние зависит от гиперинтенциональности журналистского дискурса.

Для подтверждения данной гипотезы мы проанализировали публикации американских журналистов, посвященные русской литературной классике, спровоцированные официальным объявлением 2015 года Годом литературы в России. Сверхзадачу Года литературы президент РФ соотнес с необходимостью сбережения лучших традиций национальной жизни, с укреплением авторитета русской литературы в стране и мире.

На этом фоне американский журналист Оуэн Мэтьюз в статье «Русская литература мертва?», опубликованной 24 марта 2015 г. в политологическом журнале *Foreign Policy*, дает негативную оценку современному российскому литературному дискурсу. Ключевая идея его публикации состоит в том, что последним российским романом, вызвавшим в Америке сенсацию, стал «Доктор Живаго», который был опубликован за год до того, как

---

⁸²*Foreign Policy* // Википедия. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Foreign_Policy (дата обращения: 17. 05. 2016).

Б. Л. Пастернак получил в 1958 году Нобелевскую премию. Последней сравнимой по популярности небеллетристической книгой назван «Архипелаг ГУЛАг» А. И. Солженицына, опубликованный на Западе в 1973 году. Логическое обоснование предлагаемой оценки предельно просто: угасание интереса западных читателей к русской классике объясняется тем, что *персонажи русских романов непонятны новому поколению западных читателей..., жизнь русских слишком мрачна, и им трудно сопереживать.* Периферийная отрицательная оценка русской реальности (*мрачна*), воспроизводимая в литературных текстах, мотивируется сравнением, введенным в комментарий: «Так называемые *FirstWorldProblems* (относительно тривиальные или незначительные проблемы или расстройства) героев писателей вроде Д. Франзена *совсем не похожи на лавины отчаяния, с которыми сталкиваются российские современники*».

Но главным речевым средством выражения авторской отрицательно-оценочной интенции становится противопоставление современной русской прозы и классики. Уникальность классики проявляется в связи с семантическими полями «философия», «жизнь», имеющими в подтексте положительно оценочные ассоциации, а современные российские писатели **поставляют** (в структуре стилистического значения данного глагола при использовании его в арт-дискурсе развивается отрицательно оценочный компонент) развлекательный контент, конкурирующий за место на динамичном рынке информации и развлечений. Далее автор развертывает антитезу – традиционный пропагандистский прием: православные традиции заставляли русскую литературу помнить о четкой границе между добром и злом; писатели даже в XX веке оставались духовными лидерами.

Речевое воплощение отрицательно-оценочной интенциональности статьи Джеймса Ставридиса «Что говорит нам русская литература о мире Путина?», опубликованной 2 июня 2015 года в журнале *Foreign Policy*, связана уже не с культурно-историческим, а с политическим дискурсом – с негативной оценкой тех, кто поддерживает президента РФ, поскольку им

присущи национализм, православие, сила черного юмора и вера в игру судьбы – это концептосфера русской классической литературы. В данном случае трансляции отрицательной оценки становятся прецедентные феномены. Предлагая свой пересказ фабулы великих произведений Н. В. Гоголя, Ф. М. Достоевского, И. С. Тургенева, А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, А. И. Солженицына и М. А. Булгакова, автор формирует представление читателей об образе мышления русских. Описание событий, разворачивающихся в «Мертвых душах», Ставридис завершает заключением о том, что русские видят мир как нечто абсурдное и противоречивое. Для того чтобы понять, как русские воюют и за какими лидерами следуют, журналист призывает прочитать «Войну и мир» Л. Н. Толстого, а для постижения русской души – «Преступление и наказание» Ф. М. Достоевского. Подобно герою романа А. И. Солженицына «Один день Ивана Денисовича», русские преодолевают все препятствия в преодолении санкций. Но центральный персонаж этой статьи В. В. Путин, в котором автор находит черты одного из героев романа Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы»: *«ярость была похоронена слишком рано в молодом сердце, в котором, быть может, таилось много добра»*. Ключевые слова, формирующие негативный образ президента – *ярость, сердце, похоронить, добро*.

Все сделанные наблюдения заставляют говорить о переформатировании арт-дискурса современной американской журналистики под влиянием эпохальных пропагандистских задач, ключевой из которых является установка на создание негативного образа современной России.

2. 4. Смысловая структура рецензий на произведения искусства

В жанре рецензия автором критикуется, дается оценка художественного произведения или публицистического текста. Оценочность для рецензии

является ключевой категорией. Рецензию также определяют как критику «отраженной действительности».

Т. И. Синдеева, рассматривая речевой жанр «газетной рецензии» относит его к оценочно-критическому типу текстов, так как доминирующей коммуникативной целеустановкой этого жанра является оценочная деятельность (оценка). В текстах, принадлежащих к оценочно-критическому типу, автор стремится выразить свое отношение к рассматриваемому объекту, свою оценку его, т. е. передать свою оценочную мысль, которую он имеет относительно определенного объекта⁸³.

Как отмечает Т. И. Синдеева, хотя рецензия и предполагает интерпретацию произведения и его анализ, однако основная цель рецензии чисто практическая – побудить читателя к определенному действию: читать или не читать книгу, смотреть или не смотреть представление, посещать или не посещать какое-либо явление художественной жизни. Задача рецензии состоит, главным образом, в том, чтобы сказать, что хорошо, что плохо, в этом и состоит ее функциональное отличие от литературно-художественной статьи. (22)

Рассматриваемый жанр Т. И. Синдеева отличает от других жанровых разновидностей этого типа текстов следующими признаками:

- функционально-стилевой принадлежностью, которая отличает рассматриваемый жанр от, например, рецензии на научную и техническую публикацию;
- вторичностью, что определяет ее отличие от других жанров публицистической критики;
- краткостью и оперативностью, что определяет ее отличие от других разновидностей рецензии в широком смысле. (24).

Л. А. Земцова выделяет различные типы рецензий в дискурсе СМИ, в основу которых положен критерий, закрепленный в их названии. Как

---

⁸³Синдеева Т. И. Речевой жанр «газетная рецензия» и его лингвотекстовые характеристики (на материале английского языка) : дис. ... канд. филол. наук. М., 1984. С. 17.

отмечает Л. А. Земцова, авторы учебных пособий Ю. А. Крикунов (1976), А. А. Тертычный (2000), Н. Толченова (1976), исходя из практики дифференцируют материалы жанра по следующим группам, объединенным в единую классификацию:

1. По теме (тематические) рецензии делятся на уже хорошо известные типы: литературные, концертные, театральные, кинокритические, рецензии на выставки. Помимо этого значительно выросший объем анимационных, документальных фильмов, телепередач, насыщенных драматическими конфликтами, резкий рост рекламной продукции способствовали возникновению рецензии на телепередачи, рекламные и музыкальные клипы.

2. По слиянию с другими жанрами (межжанровые) выделяют рецензию-статью, рецензию-очерк, рецензию-интервью, рецензию-репортаж и т. д. Данный тип рецензии, будучи одним из способов живого, непринужденного разговора, очень распространен в современных средствах массовой информации, особенно на радио и телевидении, где не просто зачитывается текст рецензии в обычном своем виде, а излагается с применением разнообразных творческих приемов, а именно при помощи других жанров, что позволяет журналисту (рецензенту) заинтересовать аудиторию новинкой и пригласить к единомыслию, соучастию либо к полемике, обсуждению, спору.

3. По объему рецензии можно разделить на два типа: большие, развернутые (гранд-рецензии) и маленькие, краткие (мини-рецензии). Для больших рецензий характерно глубокое и разностороннее изложение исследуемой темы, большое содержание иллюстративного материала, ссылки на компетентные источники, развернутые авторские комментарии. Как правило, такие рецензии готовят профессиональные критики, обладающие авторитетом у публики, имеющие общественно-политические и философско-нравственные взгляды.

4. По числу анализируемых произведений выделяют монорецензии и полирецензии. В монорецензии при анализе одного произведения

рецензентом допускается использование сравнения с другим произведением, уже хорошо известным аудитории. В полирецензии проводится сравнительно-сопоставительный анализ двух или более произведений, созданный либо одним автором, либо разными авторами, но в одном жанре или по общей теме.

В результате проделанного анализа искусствоведческих рецензий, Л. А. Земцова выделяет следующие типы (в продолжение классификации выше).

5. По количеству рецензируемых объектов: моноэлементные и полиэлементные рецензии. Моноэлементная рецензия содержит анализ какого-либо одного из элементов рецензируемого произведения, например, режиссерскую работу, актерскую игру, авторское исполнение, изобразительные приемы и т. д. Полиэлементная рецензия включает в себя комплексный анализ нескольких объектов одновременно. Основная функция дифференциации, таким образом, заключается в том, чтобы предоставить аудитории возможность получить разностороннее представление о рецензируемом произведении в полиэлементной рецензии или сосредоточить внимание массовой аудитории на наиболее значимом удавшемся или неудавшемся элементе в моноэлементной рецензии. Безусловно, моноэлементная рецензия менее насыщена информацией, чем полиэлементная, но присущая ей конкретизация и акцентуализация позволяет ее автору не растекаться по всему произведению, а остановиться на элементе, представляющем для него основной интерес.

6. По каналу издания рецензии можно разделять на печатные рецензии (публикуемые в печатных средствах массовой информации: в газетах и журналах, а также в Интернете), аудио-рецензии (звучащие по радио) и аудиовизуальные рецензии (выходящие в телеэфире). Рецензии в печатных СМИ наиболее близки к своему обычному, стандартному виду, характерному для данного жанра критического текста.

7. По времени издания рецензии делятся на априорные и апостериорные. Априорные включают рецензии, изданные накануне премьеры, и помимо критического анализа произведения и его оценки являются разновидностью рекламного текста. Апостериорные, напротив, анализируют произведения после ознакомления с ними широкой публики и зачастую выражают не только оценку автора рецензии. Так, например, одним из элементов выражения оценки может быть реакция аудитории, изложенная в авторских комментариях в печатной или аудио рецензиях или представленная видеорядом в аудиовизуальных рецензиях (например, бурные овации в зале, восторженные отзывы и пр.). Таким образом, данный прием играет роль составного элемента оценки.

Априорные рецензии также могут включать комментарии автора на предположительную реакцию зрителей, но в данном типе рецензии подобный прием можно расценивать как один из способов привлечения внимания с целью выделения положительных качеств произведения. Например, описывая великолепное актерское исполнение, автор включает в текст предположительную зрительскую реакцию, тем самым, пытаясь предопределить ее заранее.

Апостериорные рецензии в большей степени представляют собой антирекламу, указывая на недостатки произведения, непрофессионализм его авторов и пр. Негативная оценка, изложенная в тексте априорной рецензии, напротив, зачастую играет роль аттрактора, повышая интерес публики к произведению. Но следует отметить тот факт, что подобное оценочное разграничение не всегда затрагивает коммерческие, высоко бюджетные проекты, которые получают адекватную оценку спустя длительное время.

Описание реакции аудитории, а также различные подходы к критическому анализу, выраженные в оценивании того или иного произведения позволяют выделить в типологии группу рецензий на основании временного показателя.

8. По адресату искусствоведческие рецензии делятся на две подгруппы: на возрастную и профессиональную. В возрастную подгруппу входят рецензии, ориентированные на разностороннюю молодежную аудиторию (приблизительно от 15 до 30 лет) и на широкую аудиторию (от 30 лет и старше); в профессиональную – рецензии для профессионалов и ценителей искусства. В основе деления рецензий по данным подгруппам лежат характеристики принадлежности указанных представителей аудитории к различным социальным статусам, что позволяет выделить и охарактеризовать социолингвистические и лингвокультурные сущности текстов рецензий в массово-информационном дискурсе. Поскольку для каждой социальной роли свойственен определенный тип речевого поведения, свой набор языковых средств, что находит выражение в некоторых особенностях лексики, грамматики, а также в особенностях нормативно-стилистического уклада языка⁸⁴.

Е. А. Зинова отмечает, что в последние годы жанр рецензии претерпел значительные изменения. В печатных изданиях различных типов название «рецензия» носят тексты различных типов: от зачастую подобных по глубине, анализа литературно-критическими статьями рецензий литературно-художественных журналов (в некоторых исследованиях также используется термин «толстые журналы») до публикуемых в еженедельной и ежедневной прессе рецензий-аннотаций. Разнообразие вариантов рецензий, распространяемых при помощи различных средств массовой информации, свидетельствует о происходящих в структуре жанра трансформациях.

Трансформация жанра рецензии были рассмотрены в работах В. И. Атоновой, Е. В. Богуславской, Л. Р. Дускаевой, Л. А. Земцовой, С. А. Мищенко, В. А. Тырыгиной и др. Одним из направлений жанровых изменений рецензии стало заимствование структурных элементов других жанров: «Рецензия <...> представляет собой жанровое структурное

---

⁸⁴ Земцова Л. А. Искусствоведческая рецензия как жанр массово-информационного дискурса : дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2006. С. 75 – 81.

образование, содержащее фрагменты статьи, тематического отчета, интервью, репортажа и пр. Другое отправление трансформации жанра связано с разделением единого жанра на ряд разновидностей: «Рецензия также подверглась изменениям: в одном случае она публикуется в форме академической журналистской рецензии, констатирующей негативные и позитивные аспекты анализируемого произведения; и "другом – в формах литературно-критических статей, отчетов"»⁸⁵.

Указанные разновидности трансформаций соотносятся с общими эволюционными изменениям и системе жанров периодической печати: устареванием ряда традиционных жанров, актуализацией комбинированных жанровых форм, изменением традиционных жанров и возникновением новых в связи с изменением основных жанрообразующих признаков: образа аудитории, авторского начала, цели сообщения, предметного содержания, объема используемых средств выражения.

Таким образом, анализируя жанровые признаки рецензии на литературное произведение, необходимо принимать во внимание существующую на современном этапе и в немалой степени зависящую от образа предполагаемой аудитории того или иного издания жанровую трансформацию, связанную как с заимствованием рецензией особенностей, присущих другим жанрам, так и с разделением самого жанра рецензии на ряд разновидностей⁸⁶.

Прежде чем приступить к анализу материала, следует отметить, что в специализированных изданиях об искусстве, таких как «Балет», «Петербургский театральный журнал» и «Музыкальная жизнь», отрицательные рецензии на балетные спектакли не представлены, а если авторы и выражают свое неоднозначное отношение к спектаклю, то делают это имплицитно.

---

85 Антонова Л. Г. Медiateксты в современной массовой коммуникации // Ярославский педагогический вестник – 2011 – № 2 – Том I (Гуманитарные науки). – С. 275 – 278.

86 Зинова Е. А. Методика обучения студентов-журналистов рецензии как жанру современной медиасферы : дис. ... канд. пед. наук. М., 2012. С. 19 – 20.

Критика – обратная связь художника с обществом, равно необходимая для обеих сторон. Проанализируем рецензии на балетные спектакли специализированного журнала «PRO Танец» — журнала, который, в первую очередь, ставит своей целью развитие лучших традиций русской балетной критики, сохранение и приумножение духовных ценностей отечественного хореографического искусства с его мировым достоянием – классическим танцем Русской школы. Но наряду с этим, авторы не ограничивают себя рамками одного лишь классического балета. Они ставят целью охватить различные направления и течения танцевального искусства – от любительских коллективов до компаний современной хореографии, от бальных, спортивных танцев до этнических, народных. Следует отметить, что авторы журнала – известные артисты балета, педагоги, балетоведы и балетные критики, что свидетельствует о высоком качестве представленных в издании материалов. Журнал был зарегистрирован как СМИ 03. 04. 2015 г., что свидетельствует о его небогатой истории.

Не можем не упомянуть отношение главного редактора журнала **Вероники Кулагиной** к произошедшим в Академии Русского балета событиям (Журнал «PRO Танец», «Абсурд не улавливается в сети ни здравого смысла, ни понятий рассудка, ни идей разума», 22. 01. 2014 г.). В эпиграфе к обращению к читателям автор приводит четверостишие русского абсурдиста Даниила Хармса «Как-то бабушка махнула» и отмечает, что ситуация, сложившаяся в Академии Русского балета, созвучна его стихотворению: *ничего не понятно, но, в отличие от четверостишья, не смешно.*

Вначале автор обозначает «виновника» претензий к качеству обучения в Академии и его предложения *«в целях улучшения качества обучения объединить в единый центр искусств Академию Русского балета им. А. Я. Вагановой, Консерваторию и Зубовский институт на базе, разумеется, Мариинского театра (от авторства идеи, однако, он теперь отказывается)»*, которые были выдвинуты художественным руководителем Мариинского театра Валерием Гергиевым. Во вставных конструкциях, как

явлении авторского синтаксиса, прочитывается скрытый упрек не только маэстро Гергиеву за отказ от своих слов, но и Минкульту по той же причине: *«Далее пошли слухи о смене руководства Академии, после опровержения которых (тем же Минкультом) она и произошла. Причем между этими двумя событиями, опровержением и назначением, прошло **два!** дня»*. В данном случае восклицательный знак подчеркивает и усиливает оценку, проявляющуюся в авторском негодовании к происходящему. *«На экстренной пресс-конференции в АРБ министр Мединский представил **обескураженному коллективу Николая Цискаридзе**, назначенного на пост исполняющего обязанности ректора. Должность художественного руководителя отводилась Ульяне Лопаткиной. С помощью прилагательного «обескураженный», имеющего разговорный оттенок, автор усиливает отрицательную оценку, выражающую растерянность и озадаченность неожиданным поворотом в назначении нового ректора.*

Далее автор иронизирует по поводу действий министра при назначении нового руководителя: *«При этом министр, **теребя лацкан пиджака, сбивчиво повествовал о том, что лишь кандидатура Цискаридзе может быть «гарантом» автономии Академии, что само по себе походило на шантаж»***, закавычивает, произнесенное Мединским в прямом смысле слово «гарант», которое тотчас же приобретает переносное значение, негативный оттенок и предполагает критику действий министра.

В следующем абзаце читаем аргументацию и рассуждения редактора журнала: *«Так, может быть, нужно обратить свой взор не на Академию, а на будущее место работы учащихся – Мариинский театр? Почему же в последнее время работа в нем многим из них уже не кажется столь желанной? Может быть, потому, что Мариинский театр стал театром, в котором нечего танцевать?»*. Риторические вопросы усиливают экспрессию автора по отношению к сложившейся в современном балете ситуации.

Далее критик рассматривает ситуацию на примере прошедшего 230-го сезона: *«Из балетных премьер осуществлены **лишь две** одноактные*

постановки – «Весна священная» Саши Вальц и «Concerto DSCH» Алексея Ратманского. (Про декорации и костюмы говорить не буду, потому что говорить не о чем). **И все!** При этом оперный репертуар пополнился **шестью!** полнометражными! операми. И это не считая оперных премьер в концертном исполнении». Ограничительная частица «лишь», употребляющаяся для выделения, ограничения в значении: ТОЛЬКО, ИСКЛЮЧИТЕЛЬНО подчеркивает малую долю представленных на суд зрителю балетных премьер. Восклицательный тип предложения указывает на эмоциональность речи автора, желание побудить тем самым творцов к действиям.

В заключительном предложении автор все же выражает надежду на то, что ее призывы будут услышаны: *«Должность ректора выборная, и по закону выборы ректора должны состояться. Подождем...»* Многоточие в конце предложения говорит о том, что автор не готова смириться с тем, что пост ректора заняла *«фигура, никак не вяжущаяся с Петербургом и учебным заведением для детей»* (речь идет о Н. Цискаридзе) и выражает надежду на то, что справедливость восторжествует, ведь «закон» в данном контексте приобретает значение неких правил поведения, являющихся общепризнанными, основными и обязательными.

Рассмотрим, как проявляется эстетическая оценочность в рецензиях на балетные спектакли других авторов, которые анализируют содержание и форму балетной постановки, работу создателей спектакля, дают ему оценку, а также помогают сориентироваться читателю в культурном пространстве.

В рецензии «Догоняя время. Балетная труппа Лионской оперы» (Журнал «PRO Танец», 13.06.2015 г.) балетный критик и обозреватель журнала **Марина Медведева** дает высокую оценку профессионализму Лионского балета в целом и добавляет, что в программе была заявлена премьера «Sunshine» израильского хореографа, работающего во Франции Эмануэля Гата, а также «Sarabande» Бенджамина Мильпье и «Steptext» Уильяма Форсайта, более чем громких имен. Однако положительное

впечатление рассеивается после одного существенного но: *«все распалось: имена отдельно, балет отдельно, искусство в стороне и полное безраздельное ощущение отсутствия творческого вдохновения и вполне естественного желания пережить период стагнации всеми возможными средствами»*. Рецензент делится своими впечатлениями о спектакле с помощью усиливающего отрицательный оттенок эпитета *«полное безраздельное ощущение»* и метафоры *«пережить период стагнации»*. Автор дает отрицательную оценку не только артистам, но и создателям балетного спектакля: *«Немного вялая, предсказуемая композиция, выстроенная из как бы случайных пересечений, непрерывнодвигающихся танцовщиков, мужчин и женщин. Слово “случайных” вряд ли уместно в данном контексте, хореограф сухо, весьма абстрактно и обтекаемо вымучил каждый отдельный эпизод, пытаясь добиться органичного контакта внутри композиции»*. Словосочетание *«вялая, предсказуемая композиция»* и цепочка наречий *«сухо, абстрактно, обтекаемо»* создают картину бесформенности и бесхарактерности постановки.

Журналист критикует и работу танцовщиков: *«Точки соприкосновения в пространстве получились неуклюжими и неохотными, а сами танцовщики просуществовали на сцене, отбивая свою партию без эмоций, визуального контакта и минимального обмена энергией»*.

Автор показывает противоречие между игрой актеров, постановкой и названием танца «Sunshine» (в переводе – солнечный свет, сияние), указывает на ассоциативный ряд эпитетов, который вызывает этот танец (*теплая, умиротворяющая вереница эмоций и ощущений*).

Негативное впечатление усиливается изображением костюмов: *«Простоты, уводящей “Сарабанду” в некоторую обыденность, добавили по-детски раскрашенные рубашки в клетку и незатейливые, не позволяющие двигаться свободно, брюки... Небрежно одетые танцовщики, неточно и нечисто работающие в технике и в предлагаемых обстоятельствах, оказались неспособными добыть солнечный свет из*

исходного хореографического материала». С помощью наречий (*нечисто и неточно*) критик указывает на плохую работу танцовщиков.

Далее автор рассказывает о танце «Steptext», вначале представив читателям, как он должен быть поставлен в оригинале, используя термины и специальную лексику: «... *Об этом хореография соло и па-де-де. У героини к тому же есть право выбирать, приближать, отказывать, решать и за себя, и за своих партнеров*».

Затем Марина Медведева критикует неслаженную работу творцов: «*Танцовщица, неумело работающая на пальцах, а вместе с ней и три совершенно разных по телосложению и технике танцовщика в носках-гетрах серого цвета как нелепое противопоставление предполагаемой грации, заведомой силе и притягательности мужского исполнения*» способны испортить новизну, актуальность и драматизм этого произведения, что явилось «*самым большим препятствием на пути к признанию современным зрителем танца модерн*». Наиболее ярко оценка проявляется в заключении рецензии: «*Но и в искусстве есть времена и расстояния, и в любом исполнении даже признанных шедевров есть очевидное “плохо” и “хорошо”*». Вот этим «*очевидным “плохо”*» насквозь проникнута рецензия автора.

Отметим, что субъектом в анализируемом тексте выступает критик, и знаки оценки зависят от ценностной картины мира данного индивида. При этом оценка «хорошо» может выступать в качестве положительного маркера или превышающего норму, в то время как оценка «плохо» всегда указывает на отклонение от нормы.

В рецензии «После Дягилева» на Международный фестиваль «Дягилев P.S.» (Журнал «PRO Танец», 24. 01. 2014 г.) редактор журнала **Вероника Кулагина** дает оценку балетной постановке Прельжокажа «Ночи» и говорит о том, что начало спектакля действительно имело восточный колорит, но все последующие номера – «*рассказывали сказки, скорее, о ночных клубах*

лондонского Сохо. А танцы с кальянами и финальная сцена дуэтов в черной коже переносили в какие-то совсем злачные места».

Поскольку балет – высокое искусство, здесь недопустимо сравнений с торгово-развлекательным кварталом в центральной части [лондонского Вест-энда](#), а тем более с фразеологизмом «злачное место», которое из первоначального значения (в текстах на церковнославянском языке назывался [рай](#)), превратилось в место, где предаются кутежам и разврату. За счет такого рода сравнений постановка балета приобретает негативную окраску. Это, пожалуй, единственное противоречие, которое вызвало негодование автора.

В рецензии члена Союза журналистов Санкт-Петербурга и Ленинградской области **Екатерины Поллак** на балет «Легенда о любви» (Журнал «PRO Танец», 15.04.2014 г.) отмечает, что при всех своих достоинствах в «десятку» самых популярных отечественных балетов этот спектакль так и не попал. Негативно окрашенная лексика, выражающаяся в оценке *«штучный товар»* и крылатом выражении *«можно пересчитать по пальцам»*, с самого начала «погружает» читателя в отрицательный контекст.

Однако не все так просто, как может показаться на первый взгляд. Возвращаясь в конце к философии балета, автор «раскрывает карты» и говорит читателям о том, что *«“Легенда о любви“ в очередной раз воспел историю необыкновенных чувств героев драмы, развернув масштабное действие на сцене Мариинского театра. И только ощутив на физическом уровне всю тяжесть этого спектакля, отчасти становится понятна редкость его показов».*

То же самое наблюдается в оценке рецензента посредством многочисленных выразительных языковых средств игры актеров: *«Стилистический «почерк» балерины сух и немногословен: так, избегая излишней натуралистичности чувств в исполненной драматизма роли, Лопаткина предпочла традиционному воплощению переживаний своей героини эстетику строгого минимализма».*

Несмотря на изобилие отрицательных средств выражения оценки, в данном контексте оценка приобретает положительный оттенок, поскольку далее критиком оправдывается тактика, выбранная балериной: *«Преднамеренным ограничением, своего рода аскетизмом выразительных средств танец Мехменэ Бану, исполняемый Лопаткиной, подчеркивает напряжение силуэтных построений хореографии»*, что свидетельствует о единстве мышления балетмейстера и артиста.

В противоположность игре Лопаткиной изображены иные танцевальные стратегии ее партнеров – Алины Сомовой и Евгения Иванченко. С помощью эстетических оценок журналист отмечает: *«Не погружаясь глубоко в эстетико-психологические дебри партий Ширин и Ферхада, оба исполнителя оставили своим героям возможность выражать чувства подчас весьма натуралистично»*, засвидетельствовав тем самым, что танцовщики «не уловили» задумки постановщика.

Неподдельный интерес вызывает стиль изложения автора рецензии, выбор языковых средств, где на первый взгляд отрицательные оценки имеют на самом деле положительную окраску.

В рецензии на премьеру балета «Труффальдино слуга двух господ» (Журнал «PRO Танец», № 3 (6) за 2013 г.) в Чувашском театре оперы и балета, представленную **Вероникой Кулагиной**, критикуется не постановка спектакля, а музыкальная основа всех спектаклей – партитура Михаила Чулаки: *«Прикладная (вряд ли кому-то придет в голову слушать ее как самостоятельное произведение), лишенная мелодики в мире танца (музыкальные темы балета не так-то просто напеть), она не имеет ярких характеристик героев, не помогает рождению хореографических образов»*. Также подвергается критике и слабая профессиональная подготовка труппы: *«Если солисты справляются с хореографическим материалом, то кордебалет далеко не всегда соответствует требованиям элементарного качества и численности»*.

Давая оценку труппе Чувашского театра, автор руководствуется предыдущим опытом и сформировавшимися вкусовыми пристрастиями. В рецензии характеристика танца усложняется описанием музыки и особенностями ее сочинения (*лишенная мелодики (музыкальные темы балета не так-то просто напеть), она не имеет ярких характеристик героев, не помогает рождению хореографических образов*).

В рецензии на балетный спектакль «Дон Кихот» и «Баядерка» (Журнал «PRO Танец», № 2 (5) за 2013 г.) в рамках фестиваля Мариинский», написанной той же **Вероникой Кулагиной**, подвергается критике не только игра актеров, но и постановка: *«И обоим спектаклям, при достойном составе артистов, не хватило главного – продуманных образов и взаимоотношений главных героев внутри дуэтов»*.

Автор отмечает, что, несмотря на двенадцатилетний творческий стаж Елены Евсеевой, танцовщице все же *«не хватило апломба, который делает балерину балериной: центром притяжения всего действия, средоточием внимания публики»*, тем самым подчеркивает важность артисту быть уверенным в себе и убедительным в своих действиях. Подчеркнем, что первоначальное значение слово «апломб», употребленное в характеристике человека как личности, несло в себе сугубо положительную нагрузку. Однако в XX веке употребление слова «апломб» применительно к персоне или организации приобрело негативную окраску, а значит – отрицательно-оценочный компонент.

Далее Вероника Кулагина подчеркивает: *«Но, пожалуй, что действительно делает «Дон Кихот» «Дон Кихотом» – это наэлектризованные, полные куража и взаимного чувства дуэты влюбленных Китри и Базиля, когда кажется, что от напора страсти начнут лопаться софиты и осыплется хрусталь на люстрах. Вот такого исключительного градуса кипения дуэты танцовщиков так и не достигли»*.

С помощью многочисленных эпитетов (*наэлектризованные, полные куража и взаимного чувства дуэты*) автор дает возможность читателям

наиболее ярко представить, как должны исполняться роли в балетном спектакле, но сетует на танцовщиков за то, что они *«такого исключительного градуса кипения так и не достигли»*. Авторская позиция проявляется в представленных указательных местоимениях (*такого, так*).

В «Баядерке» автором высказывается скрытый упрек исполнительнице центральной партии балерине Оксане Скорик, проявляющийся в удивлении, усиливающим эмоцию рецензента использованием восклицательного знака: *«Удивительно другое! Как фантастически одаренная балерина совсем не растет актерски, уже шесть лет выходя на сцену»*.

Отрицательная оценка игры балерины усиливается описанием отношения героини к партнерам: *«Балерина совсем не помогает партнерам, нет plie, для того чтобы они смогли подготовиться к поддержке, нет толчка, чтобы им было легче осуществлять подъем»*. А после и вовсе выносит вердикт: *«Что-то в характере балерины нуждается в корректировке»*. Автор использует специальную балетную лексику (*нет plie*), что указывает на профессионализм критика и мастерство в создании узкоспециализированного медиаконтента.

Таким образом, оценочная рамка в композиционной модели формируется богатым арсеналом оценочных средств (имен существительных, глаголов, наречий, местоимений, частиц, тропов, экспрессивных средств лексики и фразеологии, синтаксиса и разного рода фигур речи, восклицательных и вопросительных предложений)⁸⁷. В рассмотренных рецензиях наиболее часто встречаются психологические, эмоциональные и эстетические оценки, которые относятся к частнооценочным значениям (по Арутюновой).

2. 5. Влияние коммуникативного сценария на речевую репрезентацию оценки

---

⁸⁷Стилистика и литературное редактирование. В 2 т. Т. 1 : учебник для академического бакалавриата / под ред. Л. Р. Дускаевой. – М. : Издательство Юрайт, 2016. С. 183.

Для исследования стилистико-речевых особенностей медиатекстов во взаимодействии с их содержательно-смысловой структурой обратимся к понятию коммуникативного сценария Ю. М. Коняевой, которая определяет его как комбинацию коммуникативных действий, упорядоченную в соответствии с принятыми алгоритмами речевого поведения⁸⁸.

В учебнике «Стилистика и литературное редактирование» под редакцией Л. Р. Дускаевой среди оценочных коммуникативных действий выделяются: объяснение, подтверждение истинности оценки, опровержение высказанной оценки.

Объектом оценочного анализа журналиста могут выступать события, персоны и ситуации. С целью выработки мнения о них автор устанавливает их признаки, присущие им взаимосвязи, исследует, какими причинами обусловлены эти взаимосвязи. Журналист дает оценку событиям, ситуациям и персонам, одобряя или осуждая их; аргументирует оценку.

В основе объяснения оценки – информирование о посылках, на фундаменте которых дается оценка чему-либо в общественной жизни. В результате объяснения дается ответ на вопрос: что значимого, ценного (или вредного) в объекте оценки⁸⁹.

Обратимся к примерам. В рецензии на оперу «Ноев ковчег» журналист информирует читателей о том, что, во-первых, спектакль – это не совсем премьера. *А во-вторых, это хорошо*. Аргументируя оценку, автор указывает не только на обновления каких-то деталей спектакля, вводя уточнение (*свидетели прежнего «Ковчега» всего не упомянут*), но и на сохранение визуального облика.

С помощью деепричастия «выплыв» автор указывает на неожиданность произошедшего, а также характеризует время, в котором происходит

---

⁸⁸Коняева Ю.М., Творческая личность в арт-медиадискурсе, Культура/Culture, Скопье, Македония, 2015, 12. С. 41.

⁸⁹Стилистика и литературное редактирование. В 2 т. Т. 1 : учебник для академического бакалавриата / под ред. Л. Р. Дускаевой. – М. : Издательство Юрайт, 2016. С. 176 – 177.

оцениваемый спектакль: *выплыв в потоке времени и сценических мод, этот деревянно-холстинный, аскетично-самодельный, по-детски наивный «Ноев ковчег» выглядит свежесрубленным: то, что было создано на коленках из скромности (если не по бедности), теперь смотрится стильным* экодизайном.

Семантика результативности подчеркнута метафорой (*выглядит свежесрубленным*), а семантика новизны эксплицирует наречие (*теперь*). Эмоциональная оценочность противопоставления предыдущей постановки с нынешней подчеркнута различными прилагательными (*деревянно-холстинный, аскетично-самодельный, по-детски наивный, стильный*).

Второй речевой шаг представлен характеристикой адресата: *экодизайн весьма к лицу свободному пересказу ветхозаветной истории, предназначенному по большей части для детей — и в зрительном зале, и на сцене.*

Далее автор информирует о намерениях композитора, который переложил на музыку Честерский миракль XIV века в расчете на исполнение в храме. *В оперные театры "Ноев ковчег" пускать и вовсе запретил: детей Ноя, детей в хоре, детей в струнном ансамбле и в ансамбле блок-флейт не следовало искушать большой сценой и большими амбициями.*

В следующем фрагменте журналист описывает театр, в котором происходят действия. *В театре "Зазеркалье" с виду без искушений обошлось: ни одного неонового лучика, ни одного блестящего костюма, никакой вертявой суеты.* Оценочный компонент усиливается отрицательными частицами (*ни одного, никакой*).

В продолжение оценивающей мысли автор описывает исполнение произведения: *Дети-солисты и дети-инструменталисты ведут свои партии без малейших "театральных" ужимок.* Оценка создается с помощью метафоры (*ведут партии*) и эпитета (*"театральных" ужимок*).

Картина последующего развития оценочной мысли журналиста направлена на музыкальные службы театра, которые *полностью заглушили*

все оркестровые штучки, что с такой любовью сочинял Бриттен. Непрофессиональное владение специальной терминологией подчеркивается в использовании журналистом разговорной лексики (*оркестровые штучки*). В следующем предложении отрицательная оценка усиливается указанием на неоправданные ожидания зрителей и невозможностью перекричать аппаратуру: *гимн о спасении, который зрители должны были петь вместе с хором, можно было и не петь: бурю, бушующую в саунд-системе театра, все равно не перекричишь.*

Далее автор указывает на главную проблему новой постановки «Ноева ковчега»: *подзвучка! В ней потонули и вокальные ансамбли, и оркестр, и запланированные Бриттеном колокольчики с наждачной бумагой, и — что особенно жаль — детские оркестровые группы. Когда один поет живьем, а второй — с микрофоном, один играет в шесть блок-флейточек, а второй лупит в записи из колонок, баланса не видать.* Эмоциональность оценки подчеркивается восклицательным знаком, а с помощью метафорического глагола (*потонули*) объясняется причина, которая повлияла на последующий ход событий. Разрозненность действий передается с помощью глаголов (*поет, играет, лупит*), а их результат – метафорой (*баланса не видать*).

В последнем оценивающем эпизоде журналист призывает музыкальные службы театра к действию, указывая с помощью эстетических оценок на то, что если этот недочет будет исправлен, *останется аккуратная постановка, понятная детям и любопытная взрослым. Останется очаровательная музыкальная партитура, в которой есть где поразмяться и тренированному уху, и неподготовленному слушателю — недаром здесь столько простых хоров, которым не только хочется, а даже нужно подпевать.* (Деловой Петербург, Рецензия на оперу "Ноев ковчег", 29. 04. 2016 г.).

Как отмечает Л. Р. Дускаева, среди оценочных коммуникативных действий, которые используются в культурно-просветительских текстах, наиболее активно встречающиеся – объяснение оценки или подтверждение

истинности оценочного тезиса. Особенностью журналистского рассуждения является его направленность на утверждение авторской оценочной позиции.

В основе **объяснения оценки** – информирование о посылках, на фундаменте которых строится характеристика объясняемого события культурной жизни. В результате объяснения дается ответ на вопрос: чем значимо (или вредно) это событие. Объяснение оценки роли события включает следующие шаги: 1) сообщение о событии, 2) характеристика события через демонстрацию действий, его составляющих, и оценка этих действий. Следовательно, логика объяснения оценки – в установлении целесообразности или вредоносности, красоты / безобразия, этичности / неэтичности описываемых действий⁹⁰.

Для примера проанализируем текст театрального критика Дмитрия Цилика о том, что смотреть на XVI фестивале балета «Мариинский», опубликованный в газете «Деловой Петербург» 25 марта 2016 г. Вначале автор публикации дает оценку оперно-балетному театру, сравнивая его с государством: *как известно, оперно-балетный театр есть витрина государства, и нужно ли удивляться: что в государстве — то и на сцене*. С помощью слова (*витрина*) и конструкции (*нужно ли удивляться*) подготавливает читателя к отрицательной оценке характеристики фестиваля. Подтверждение этого является следующее предложение, в котором автор указывает на «интригу» в событии: в сообщении прочитывается сожаление о минувшей поре, *когда (еще, казалось бы, совсем недавно) в Мариинском театре потчевали премьерой, например, остросовременного сочинения Эвана МакГрегора*.

Теперь не то: у советских собственная гордость, скрепы и идея чучхе, то бишь опора на собственные силы. Фестиваль 31 марта открывает премьеру «Медного всадника».

---

⁹⁰ Дускаева Л.Р. Выражение оценочных коммуникативных действий в журналистском культурно-просветительском дискурсе / Л.Р. Дускаева // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2014. № 4. С. 207 – 208.

Используя идеологические оценки, журналист рассказывает о желании экс-артистов и критиков «старой закалки» водворить спектакль на сцену Мариинского театра.

Много лет ультраконсервативная партия экс-артистов и критиков старой закалки продвигала идею выкопать этот гроб с музыкой (Р. Глиэра) и водворить его на Мариинской сцене.

В противопоставление критикам минувших лет автор приводит отношение к этому критики вменяемой, усиливая негативную оценку последних сравнением (как к ночному кошмару).

Критика же вменяемая относилась к мысли, что после Баланчина и Форсайта можно кормить трупну и публику этим замшелым сталинским драмбалетом Ростислава Захарова образца 1949 года, разве что как к ночному кошмару. Но время показало: нет такого кошмара, который не сбылся бы наяву. О создателе события – хореографе и его помощниках – критик сообщает с иронией: «гальванизацией трупа занимается Юрий Смекалов при участии "хранителей" предыдущего возобновления 1980 года».

Сообщение о следующем дне фестиваля держится на необходимой для читателя информации: кто, когда, что исполнял.

В качестве антидота на следующий день можно принять внутрь вечер Дианы Вишневой. Неугоминая труженица и проектантка затеяла его в честь своего педагога Людмилы Ковалевой. В дивертисменте выйдут и другие ее знатные ученицы, в том числе одна из самых заметных выпускниц АРБ им. Вагановой последних лет балерина Большого Ольга Смирнова. А также — любимый партнер Вишневой Владимир Малахов. Во втором отделении Диана покажет сочинение Ханса ван Манена Live, премьеру которого станцевала в ноябре в Москве на своем фестивале "Диана Вишнева. Context".

Создателями события являются балерины, которых автор называет именами собственными (Диана Вишнева, Ольга Смирнова, Владимир Малахов). Как видно из фрагмента, критик поступательно рассказывает о

ходе событий, разворачивающихся на сцене: *в дивертисменте выйдут и другие ее знатные ученицы... Во втором отделении Диана покажет сочинение Ханса ван Манена Live*. Но основным является оценка автора, которая подчеркивается в начале повествования: *в качестве антидота на следующий день можно принять внутрь вечер Дианы Вишневой*. В этом коммуникативном действии описывается впечатление, которое произвел вечер на автора.

Далее автор публикации дает общую положительную оценку фестивалю «Мариинский», который *«не раз привозил разные танцевальные компании, включая и ведущие мировые»*. Однако положительное впечатление рассеивается в следующем предложении: *На этот раз продукт отечественный, но в импортной хореографической упаковке — трехактный вечер Пермского балета (6 апреля)*. В нем к английским опять-таки *проверенным* временем (или *траченым* молью) мэтрам Фредерику Аштону — *"Конькобежцы"* и Кеннету Макмиллану — *"Зимние грезы"* прибавится текст *"Когда падал снег"* нашего современника Дагласа Ли, уже во второй раз поработавшего специально для пермской труппы. Маркеры оценочности выделены в тексте, еще раз приведем их: *отечественный продукт, импортной упаковке, проверенным временем или траченым молью*.

Таким образом, объяснительно-оценочное коммуникативное действие построено сообщением информации о фестивале, положительной (пейоративной) или отрицательной (мелиоративной) оценками, которые выражают одобрение или неодобрение автора с помощью различных языковых средств.

По мнению Л. Р. Дускаевой, оценочная рамка в композиционной модели формируется богатым арсеналом оценочных средств (имен существительных, глаголов, наречий, частиц, тропов, экспрессивных средств лексики и фразеологии, синтаксиса и разного рода интенсификаторов, восклицательных и вопросительных предложений). Семантические разновидности используемых оценок: 1) общая и эмоциональная, которые

выражают главный тезис текста; 2) эстетическая, направленная на характеристику исполнения произведений на разных концертных площадках; 3) нормативная и утилитарная, указывающая направление эстетического развития аудитории⁹¹.

Подтверждение истинности оценки в журналистской практике Л. Р. Дускаева определяется формированием композиционной модели, помогающей выявить свойства и явления, характеризующие состояние общества, отношения в нем между людьми. В отличие от объяснения оценки, которое строится как поэтапное оценивание отдельных действий, составляющих событие, его итогов и возможного развития, подтверждение строится по иной схеме: выдвижение тезиса, содержащего оценку явления, и изложение оценочных аргументов, свидетельствующих о соответствии свойств явления выдвинутой оценке. Коммуникативное действие организуют дополнительные интенции: 1) привлечение внимания к характерным для явления свойствам и их оценка; 2) далее развитие происходит по двум вариантам: явление получает оценку одобрения либо осуждения⁹².

Рассмотрим текст о XXIV кинофестиваль «Виват кино России!», опубликованный в газете «Санкт-Петербургские ведомости» 13 мая 2016 г.

Сообщение о событии содержится в предложении, которое информирует читателей что, где происходит:

15 мая откроется XXIV кинофестиваль «Виват кино России!».

Устанавливается значимость этого события в общественной жизни страны:

Он станет одним из главных событий Года российского кино в Петербурге.

Затем автор информирует читателей о месте и точном времени начала мероприятия, с отсылкой на главного организатора события приглашает

---

⁹¹Там же. С. 209.

⁹²Там же. С. 210.

зрителей на киноконцерт. Своеобразной «приманкой» здесь выступает оценка концерта (*грандиозный киноконцерт*).

На пресс-конференции, посвященной этому событию, генеральный директор фестиваля Людмила Томская пригласила всех петербуржцев на Дворцовую площадь, где в 15.00 начнется грандиозный киноконцерт.

Далее журналист рассказывает о программе мероприятия и артистах, которые примут в нем участие, еще раз подчеркивается значимость события именно для петербургской публики:

Будут исполнены песни ленинградских и петербургских композиторов из знаменитых фильмов – в основном песни Андрея Петрова и Исаака Шварца. Они прозвучат в исполнении знаменитых киноартистов, выступят Михаил Боярский, Светлана Крючкова, Евгений Дятлов, Людмила Сенчина и многие другие... Во втором отделении выступит группа «Несчастный случай» во главе с Алексеем Кортневым.

В последующем предложении для привлечения внимания к мероприятию автор рассказывает о колонне ретроавтомобилей – участников в съемках известных кинолент, которая стартует от Дворцовой, указывая точное время – в 17.15.

Например, машина из увенчанной «Оскаром» картины Владимира Меньшова «Москва слезам не верит», авто из культового телесериала Станислава Говорухина «Место встречи изменить нельзя». В колонне будут и кареты, снимавшиеся в исторических кинолентах из жизни императорской России. С помощью оценок (увенчанной «Оскаром» картины, культового телесериала) автор усиливает воздействие на читателей, таким образом призывая их к действиям.

О масштабе фестиваля автор указывает в сообщении о количестве фильмов, которые будут на нем представлены: *за время фестиваля покажут 128 фильмов*. В отдельном предложении подчеркивается, что *по традиции, вход на сеансы фестиваля будет свободным*.

Дальнейшее повествование содержит указание на место проведения, подробное описание программы. Все программы перечисляются, что указывает на цепь событий, которые будут происходить во время фестиваля.

А к 120-летию со дня рождения великой Фаины Раневской – программа «Талант – это страшная сила». Есть также программы, посвященные Андрею Миронову и Эльдару Рязанову, знаменитым кинодинастиям – Тарковским, Михалковым, Симоновым, ушедшему в этом году из жизни кинорежиссеру Юрию Павлову, кино эпохи перестройки.

В последнем предложении автор сообщает дату завершения фестиваля, однако напоминает, что Год российского кино *будет продолжаться*. А с помощью оценки (*значимых*) напоминает о событии, которое состоится позже.

Завершится фестиваль 19 мая. А Год российского кино будет продолжаться. Среди значимых событий – «Ночь кино», которая пройдет с 27 на 28 августа.

Таким образом, как отмечает Л. Р. Дускаева, в основе объяснения и подтверждения оценки лежит рассуждение, на его основе строится журналистская оценка предмета речи – события, явления или ситуации. Оценочная интенциональность журналистского текста, несмотря на смысловую конденсацию, отличается значительной семантической нюансировкой и включает разные семантические виды оценок, как общую, так и частные. Коммуникативные сценарии предполагают передачу динамики мысли, причинно-следственная смена обеспечивается использованием богатого арсенала оценочных интенсификаторов, способствующих формированию соответствующей жанру экспрессивности, обращенностью речи к читателю, акцентуацией, активизирующей его мыслительную деятельность⁹³.

---

⁹³ Дускаева Л.Р. Выражение оценочных коммуникативных действий в журналистском культурно-просветительском дискурсе / Л.Р. Дускаева // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2014. No 4. С. 212.

Заключение

В магистерской диссертации исследованы коммуникативные сценарии выражения отрицательной оценки в арт-журналистике, которые нашли наиболее яркое воплощение не только в петербургской, но и зарубежной прессе. Под коммуникативным сценарием мы, вслед за Л. Р. Дускаевой, понимаем речевую последовательность коммуникативных действий, создание которых определяется интенциональностью, которая представляет собой совокупность референтных, модальных и коммуникативных интенций⁹⁴. Так, в арт-журналистике нами были рассмотрены наиболее ярко проявляющиеся в этом типе дискурса оценочные коммуникативные действия – объяснение оценки или подтверждение истинности оценочного тезиса.

С помощью коммуникативного действия объяснения оценки журналист информирует о значимости или незначимости оцениваемого события. Посредством различных типов оценок автор устанавливает ценностное содержание описываемого события культурной жизни. Коммуникативное действие объяснения оценки включает в себя коммуникативные шаги, с помощью которых поэтапно описывается то или иное оцениваемое событие.

В коммуникативном действии подтверждения истинности оценки выявляются определенные свойства, которые характеризуют состояние общества. Отрицательно-оценочная рамка формируется с помощью различных языковых средств, представленных на всех уровнях языка – лексическом, морфологическом, синтаксическом, словообразовательном.

Было выявлено, что на лексическом уровне в арт-журналистике обнаруживается три класса единиц, реализующих оценочность в контексте (функциональном, коннотативном и прагматическом).

На морфологическом уровне представлено меньшее количество средств выражения экспрессивно-эмоциональных оценок.

---

⁹⁴Л. Р. Дускаева, *Интенциональность речевой деятельности журналиста: онтология и структура*, *Вестник Санкт-Петербургского университета*, Серия 9: Филология. Востоковедение. Журналистика, №2, Санкт-Петербург, 2012.

На фонетическом уровне наибольшее воплощение оценочности проявляется в эмфатическом ударении и интонации.

На морфемном уровне оценочный компонент обнаруживается в семантической структуре корневой морфемы и эмоционально-оценочных суффиксах.

Оценочность присутствует и в словах, выполняющих указательные функции, т. е. у местоимений.

Так, оценочность является основным стилеобразующим фактором публицистических материалов.

Проанализировав около 50 текстов, мы проследили динамику развертывания отрицательной оценки и установили:

1. Оценочность является неизбежным элементом любого журналистского произведения и играет значительную роль в познании и осмыслении журналистом окружающей действительности. Культура выражения оценки автором публицистического текста – существенная часть профессиональной культуры журналиста.

2. Любое сообщение всегда неполно, даже если сообщение истинно. Коммуникант описывает не событие как таковое, а его психический образ. При этом нередко сообщение несет в себе элементы оценочности, которые вводятся уже самим подбором сообщаемых фактов.

3. Слово или сообщение обладает оценочным компонентом значения, если оно выражает положительное или отрицательное суждение о том, что оно называет, т.е. одобрение или неодобрение.

4. По современным представлениям массовая коммуникация является двусторонней, аудитория имеет возможности влиять на журналиста, и взаимодействие журналиста с аудиторией представляет собой своеобразный диалог.

5. Упрек как субчасть коммуникативного сценария оказался наиболее часто встречающимся при выражении отрицательной оценки в балетных спектаклях в современной петербургской прессе. Представленный в

журналистских публикациях упрек представляет собой комплексный коммуникативный сценарий. Как правило, он включает в свой состав побудительный коммуникативный сценарий (просьбу или убеждение) и информативный (объяснение).

6. Упрек в газетных текстах почти всегда смягчен или отчасти замаскирован иронией.

7. Языковое воплощение упрека включает в свой состав, во-первых, конструкции, выражающие прямо или косвенно побудительные интенции; во-вторых, аргументированное сообщение, обосновывающее побуждение.

8. Понятие коммуникативного сценария применяется прежде всего к диалогическому взаимодействию. Коммуникативные сценарии могут рассматриваться в отношении газетного текста только в том случае, если считать массовую коммуникацию диалогом, в котором оба коммуниканта (автор и читатель) взаимодействуют друг с другом.

8. Отрицательная оценка балетных спектаклей в рассмотренной прессе Санкт-Петербурга представлена реже, чем положительная. Все тексты, которые содержат отрицательную оценку балетных спектаклей, опубликованы в газете «Деловой Петербург». Это оказалось наиболее критично настроенное по отношению к балету городское издание. «Санкт-Петербургские ведомости» размещают тексты про балетные спектакли либо с положительной оценкой, либо чисто информационные, нейтральные.

Выделенное положение, свидетельствующее о том, что речевое выражение категории оценочности в современном медиатексте зависит от дискурсивной принадлежности произведения, речевой концепции издания, индивидуальности автора и авторских установок (интенций), находит свое отражение в рассмотренной отечественной и зарубежной прессе. Так, в специализированном журнале «Pro Танец» мы обнаруживается наиболее богатая палитра языковых средств выражения оценки, а в политологическом журнале *Foreign Policy* наблюдается переформатирование арт-дискурса под

влиянием эпохальных пропагандистских задач, ключевой из которых является установка на создание негативного образа современной России.

Полагаем, что все сделанные наблюдения могут быть полезны как опыт для поиска и воплощения в журналистском творчестве таких коммуникативных сценариев, которые приводят к гармонизации, солидаризации и взаимопониманию.

Список литературы

1. Антонова Л. Г. Медиатексты в современной массовой коммуникации // Ярославский педагогический вестник – 2011 – № 2 – Том I (Гуманитарные науки).
2. Апресян Ю. Д. Лексическая семантика : Синоним. средства яз / АН СССР. Науч. совет по комплексной проблеме «Кибернетика». – Москва : Наука, 1974.
3. Арнольд И. В. Семантика. Стилистика. Интертекстуальность: Сборник статей / Науч. Редактор П. Е. Бухаркин. – СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 1999.
4. Арутюнова Н. Д. Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт. М., 1988.
5. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов : [Около 7000 терминов]. – Москва : Сов. энциклопедия, 1966.
6. Бабенко Л. Г. Лексические средства обозначения эмоций в русском языке. – Свердловск : Изд-во Урал. ун-та, 1989.
7. Блох М. Я. Теоретические основы грамматики : Учеб. для студентов ин-тов и фак. иностр. яз / М.Я. Блох. – 2-е изд., испр. – М : Высш. шк., 2000.
8. Большой энциклопедический словарь / Гл. ред. А.М. Прохоров. - М. ; СПб : Сов. энцикл. Фонд "Ленингр. галерея", 1993.
9. Бочкарев А. Е. Семантический словарь / А.Е. Бочкарев. – Н.Новгород : ДЕКОМ, 2003.
10. Брандес М. П. Стилистический анализ : (На материале нем. яз.). – Москва : Высш. школа, 1971.
11. Вежбицкая А., Язык. Культура. Познание : [Пер. с англ.] / Анна Вежбицкая; Отв. ред. и сост. М.А. Кронгауз Вступ. ст. Е.В. Падучевой. – М : Рус. слов., 1996. – 411 с.
12. Виноградов В. В. О теории художественной речи. – М., 1971.
13. Виноградов В. В. Русский язык. Грамматическое учение о слове. Издание 2-е. – М., 1972; Издание 3-е, исправ. – М., 1986.
14. Вольф Е. М. Функциональная семантика оценки / Вступ. ст. Н. Д. Арутюновой, И. И. Челышевой. Изд. 4-ое. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009.

15. Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования / И.Р. Гальперин; отв. ред. чл.-кор. АН СССР Г.В. Степанов. – Изд. 7-е. – Москва : URSS Книжный дом "Либроком", 2009.
16. Головня М. В. Средства выражения оценки в поэтическом языке А. Т. Твардовского : дис. ... канд. филол. наук. М., 2010.
17. Голотвина Н. В. Средства выражения оценки в старофранцузском эпосе : дис. ... канд. филол. наук. Санкт-Петербург, 1999.
18. Дегтярева М. В. Частеречный статус предикатива. – М.: МГОУ, 2007.
19. Дускаева Л. Р. Интенциональность речевой деятельности журналиста: онтология и структура, Вестник Санкт-Петербургского университета, Серия 9: Филология. Востоковедение. Журналистика, №2, Санкт-Петербург, 2012.
20. Дускаева Л. Р. Выражение оценочных коммуникативных действий в журналистском культурно-просветительском дискурсе / Л. Р. Дускаева // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2014. № 4. С. 206 – 213.
21. Желтухина М. Р. Тропологическая суггестивность масс-медиального дискурса: о проблеме речевого воздействия тропов в языке СМИ / М.Р. Желтухина; Рос. акад. наук, Ин-т языкознания, Моск. ун-т потреб. кооп. Волгогр. фил. – М. ; Волгоград : ИЯ Изд-во ВФ МУПК, 2003.
22. Землянова Л. М. Коммуникативистика и средства информации: Англо-русский толковый словарь концепций и терминов: М.: Изд-во Моск. ун-та, 2004.
23. Земцова Л. А. Искусствоведческая рецензия как жанр массово-информационного дискурса : дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2006.
24. Зинова Е. А. Методика обучения студентов-журналистов рецензии как жанру современной медиасферы : дис. ... канд. пед. наук. М., 2012. С. 19 – 20.
25. Ивин А. А. Основания логики оценок. – Москва : Изд-во Моск. ун-та, 1970.
26. Иссерс О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. Изд. 5-е. — М.: Издательство ЛКИ, 2008. С. 10.

27. Клушина Н. И. Интенциональные категории публицистического текста (на материале периодических изданий 2000 – 2008 гг.) : дис. ... д-ра филол. наук. М., 2008.
28. Клушина Н. И. Языковые механизмы формирования оценки в СМИ // Публицистика и информация в современном обществе. М., 2000.
29. Кобозева И. М. Лингвистическая семантика: Учебное пособие. — М.: Эдичориал УРСС, 2000.
30. Коняева Ю. М., Творческая личность в арт-медиадискурсе, Культура/Culture, Скопье, Македония, 2015, 12.
31. Кочеткова Е. В. Языковые средства выражения негативной оценки мира и человека в поэзии Игоря Северянина : дис. ... канд. филол. наук : Хабаровск : 2004.
32. Краткий словарь когнитивных терминов / Е.С. Кубрякова, В.З. Демьянков, Ю.Г. Панкрац, Л.Г. Лузина; Под общ. ред. Е.С. Кубряковой. - М : Филол. фак. МГУ, 1996.
33. Культура русской речи. Учебник для вузов. Под ред. проф. Л. К. Граудиной и проф. Е. Н. Ширяева. — М.: Издательская группа НОРМА – ИНФРА, 1998.
34. Ляпон, М. В. Модальность // Лингвистический энциклопедический словарь – М.: Сов. Энциклопедия, 1990.
35. Маркелова Т. В. Прагматика и семантика средств выражения оценки в русском языке : монография / Т. В. Маркелова; М-во образования и науки Российской Федерации, Федеральное гос. бюджетное образовательное учреждение высш. проф. образования Московский гос. ун-т печати им. Ивана Федорова. – Москва : Московский гос. ун-т печати, 2013.
36. Матвеева Т. В. Учебный словарь : Русский язык. Культура речи. Стилистика. Риторика : [Более 900 понятий и терминов] / Т. В. Матвеева. – М : Флинта Наука, 2003.
37. Новикова О. В. Категория оценочности в языке прозы В. П. Некрасова : дис. ... канд. филол. наук. Алматы, 1994.
38. Прищепчук С. А. Функционально-семантические особенности лексических средств выражения оценки в языке. // Материалы XI

- региональной научно-технической конференции «Вузовская наука – Северо-Кавказскому региону». Том второй. Общественные науки. Ставрополь: СевКавГТУ, 2007.
39. Речевое общение специализированный вестник / Красноярск гос ун-т под ред. А. П. Сковородникова Вып 8-9 (16-17) – Красноярск, 2006.
40. Русская грамматика – М.: Наука, 1980.
41. Синдеева Т. И. Речевой жанр «газетная рецензия» и его лингвотекстовые характеристики (на материале английского языка) : дис. ... канд. филол. наук. М., 1984.
42. Современный русский язык / Под ред. П. А. Леканта. – 2-е изд., испр. – М.: Дрофа, 2001. С. 280.
43. Современный русский язык / Под ред. П. А. Леканта. – 2-е изд., испр. – М.: Дрофа, 2001.
44. Современный философский словарь / Под общей ред. д. ф. н. профессора В. Е. Кемерова. – 2-е изд., испр. и доп. – Лондон, Франкфурт-на-Майне, Париж, Люксембург, Москва, Минск / «ПАНПРИНТ», 1988.
45. Солганик Г. Я. Язык СМИ и политика / Под ред. Г. Я. Солганика. – М. : Издательство Московского университета; Факультет журналистики МГУ имени М. В. Ломоносова, 2012.
46. Стилистика и литературное редактирование. В 2 т. Т. 1 : учебник для академического бакалавриата / под ред. Л. Р. Дускаевой. – М. : Издательство Юрайт, 2016.
47. Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М. Н. Кожинной; члены редколлегии: Е. А. Баженова, М. П. Котюрова, А. П. Сковородников. — 2-е изд., испр. и доп. — М. Флинта: Наука, 2006.
48. Стилистический энциклопедический словарь русского языка [электронный ресурс] / под ред. М.Н. Кожинной; члены редколлегии: Е. А. Баженова, М. П. Котюрова, А. П. Сковородников. – 2-е изд., стереотип. — М.: Флинта: Наука, 2011.

49. Телия В. Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц / Отв. ред. А.А. Уфимцева; АН СССР, Ин-т языкознания. – М : Наука, 1986.
50. Тертычный А.А. Жанры периодической печати: Учебное пособие. – М.: Аспект Пресс, 2000.
51. Функциональная семантика: оценка, экспрессивность, модальность : In memoiam Е.М. Вольф : [Сборник] / Рос. акад. наук. Ин-т языкознания; [Предисл. И.И. Чельшевой]. – М : ИЯЗ, 1996.
52. Цветова Н. С. Дискурс искусства в современной российской журналистике // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета. 2012, № 1. С. 231 – 238.
53. Шахматов А. А. Синтаксис современного русского языка. – М., 1941.
54. Шаховский В. И. Лингвистическая теория эмоций : монография / В.И. Шаховский. – Москва : Гнозис, 2008.
55. Шелякин М. А. О функциональном различии кратких форм и падежных форм полных прилагательных в позиции предиката в современном русском языке // Русский язык: исторические судьбы и современность: IV Международный конгресс исследователей русского языка: Труды и материалы / Составители М. Л. Ремнева, А. А. Поликарпов. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 2010.

Ссылки на тексты рассмотренных публикаций:

1. Виноградова П. Тропой Вагановой / П. Виноградова // Санкт-Петербургские ведомости. – 2015. – 12 января. URL: http://spbvedomosti.ru/news/culture/tropoyu_vaganovoy/ (дата обращения 17.05.2016).
2. От тайги до Британских морей // Санкт-Петербургские ведомости. – 2015. – 16 января. URL: http://spbvedomosti.ru/news/culture/naedine_so_vsemi/ (дата обращения 12.05.2016).
3. Виноградова П. Ночь нежна, красота мимолетна / П. Виноградова // Санкт-Петербургские ведомости. – 2015. – 22 января. URL:

- http://spbvedomosti.ru/news/culture/noch_nezhna_krasota_nbsp_mimoletna/
(дата обращения 12.05.2016).
4. Безумие под ритмы джаза // Санкт-Петербургские ведомости. – 2015. – 23 января. URL:
http://spbvedomosti.ru/news/culture/gde_kura_a_nbsp_gde_tvoy_nbsp_dom/
(дата обращения 16.04.2016).
5. Виноградова П. Плач по Конармии и земле / П. Виноградова // Санкт-Петербургские ведомости. – 2015. – 26 января. URL:
http://spbvedomosti.ru/news/culture/plach_po_nbsp_konarmii_i_nbsp_zemle/
(дата обращения 17.05.2016).
6. Шитенбург Л. Куклы и Книга / Л. Шитенбург // Санкт-Петербургские ведомости. – 2015. – 29 января. URL:
http://spbvedomosti.ru/news/culture/kukly_i_kniga/ (дата обращения 22.04.2016).
7. Ступников И. Взлет и падение героев эпохи джаза / И. Ступников // Санкт-Петербургские ведомости. – 2015. – 2 февраля. URL:
http://spbvedomosti.ru/news/culture/vzlet_i_padenie_geroev_epokhi_dzhaza/
(дата обращения 11.05.2016).
8. Выборы в академии // Деловой Петербург. – 2015. – 17 января. URL:
<https://subscribe.dp.ru/newspaper/archive/pdf/2014/01/17/> (дата обращения 16.05.2016).
9. В честь Ольги Моисеевой // Деловой Петербург. – 2015. – 17 января. URL: <https://subscribe.dp.ru/newspaper/archive/pdf/2014/01/17/> (дата обращения 16.05.2016).
10. Столица и станица // Деловой Петербург. – 2013. – 25 декабря. URL:
http://www.dp.ru/a/2013/12/25/Stolica_i_stanica/ (дата обращения 16.05.2016).
11. Отставка года. Начо Дуато // Деловой Петербург. – 2013. – 25 декабря. URL: http://www.dp.ru/a/2013/12/25/otstavka_goda_Nacho_Duato/ (дата обращения 16.05.2016).
12. Поражение года. Тревожить прах Шекспира // Деловой Петербург. – 2013. – 25 декабря. URL:

http://www.dp.ru/a/2013/12/25/porazhenie_goda_Trevozhit/ (дата обращения 16.05.2016).

13. Шнуренко И. Николай Цискаридзе – хозяин улицы Росси / И.

Шнуренко // Деловой Петербург. – 2013. – 25 декабря. URL:

http://www.dp.ru/a/2013/12/25/Nikolaj_Ciskaridze_hozja/ (дата обращения 16.05.2016).

14. Подарок Дуато // Деловой Петербург. – 2013. – 13 декабря. URL:

<https://subscribe.dp.ru/newspaper/archive/pdf/2013/12/13/> (дата обращения 15.05.2016).

15. Шнуренко И. "Реквием" к юбилею / И. Шнуренко // Деловой

Петербург. – 2014. – 31 января. URL:

http://www.dp.ru/a/2014/01/31/Rekviem_k_jubileju/ (дата обращения 15.05.2016).

16. [Matthews](#) O. [Is Russian Literature Dead?](#) / O. [Matthews](#) // Foreign Policy.

– March 24, 2015. URL: <http://foreignpolicy.com/2015/03/24/is-russian-literature-dead/> (дата обращения 14.05.2016).

17. [Stavridis](#) J. [What Russian Literature Tells Us About Vladimir Putin's World](#) // Foreign Policy. – June 2, 2015. URL:

<http://foreignpolicy.com/2015/06/02/what-russian-literature-tells-us-about-vladimir-putins-world/> (дата обращения 14.05.2016).

18. Марьина Т. Фунт изюма / Т. Марьина // Санкт-Петербургские

ведомости. – 2015. – 19 октября. URL:

http://spbvedomosti.ru/news/obshchestvo/funt_izyuma_/?sphrase_id=34340 (дата обращения 12.05.2016).

19. Пиотровский М. Нам интер (есно наводит мосты / М. Пиотровский //

Санкт-Петербургские ведомости. – 2016. – 27 апреля. URL:

http://spbvedomosti.ru/news/culture/nam_interesno_navodit_nbsp_mosty/?sphrase_id=34345 (дата обращения 12.05.2016).

20. Михайлов В. Дама с двумя собачками / В. Михайлов // Санкт-

Петербургские ведомости. – 2015. – 23 ноября. URL:

http://spbvedomosti.ru/news/culture/dama_s_dvumya_sobachkami_/?sphrase_id=34346 (дата обращения 12.05.2016).

21. Если дорог тебе твой театр-дом // Санкт-Петербургские ведомости. – 2015. – 27 августа. URL: http://spbvedomosti.ru/news/culture/esli_dorog_tebe_tvoy_nbsp_teatr_dom_/?sphrase_id=34347 (дата обращения 12.05.2016).
22. Березкин Л. В Дун Гун и к Ильичу / Л. Березкин // Санкт-Петербургские ведомости. – 2015. – 3 августа. URL: http://spbvedomosti.ru/news/obshchestvo/v_dun_gun_i_nbsp_k_nbsp_lichu/?sphrase_id=34349 (дата обращения 12.05.2016).
23. Нечаев П. Сюрприз всей семье / П. Нечаев // Санкт-Петербургские ведомости. – 2015. – 17 декабря. URL: http://spbvedomosti.ru/news/obshchestvo/syurpriz_vsey_nbsp_seme/?sphrase_id=34579 (дата обращения 12.05.2016).
24. Дудин В. Закрытый клуб «Трубадур» / В. Дудин // Санкт-Петербургские ведомости. – 2014. – 24 ноября. URL: http://spbvedomosti.ru/news/culture/zakrytyy_klub_trubadur/?sphrase_id=34583 (дата обращения 12.05.2016).
25. Рабковский А. Молдавское обострение / А. Рабковский // Санкт-Петербургские ведомости. – 2016. – 11 мая. URL: http://spbvedomosti.ru/news/politika/moldavskoe_obostrenie/ (дата обращения 12.05.2016).
26. Алексеева Е. Пигмалион / Е. Алексеева // Санкт-Петербургские ведомости. – 2016. – 12 мая. URL: <http://spbvedomosti.ru/news/culture/pigmalion/> (дата обращения 12.05.2016).
27. Заблудится и найти // Санкт-Петербургские ведомости. – 2016. – 12 мая. URL: http://spbvedomosti.ru/news/culture/zabluditsya_i_nbsp_nayti/ (дата обращения 12.05.2016).
28. Рабковский А. Бюджет прибавляет в весе / А. Рабковский // Санкт-Петербургские ведомости. – 2016. – 12 мая. URL: http://spbvedomosti.ru/news/ekonomika/byudzhet_pribavlyaet_v_nbsp_vese/ (дата обращения 12.05.2016).
29. Владимирский В. Кто боится Вирджинии Вулф? / В. Владимирский // Санкт-Петербургские ведомости. – 2016. – 10 мая. URL:

http://spbvedomosti.ru/news/culture/kto_boitsya_virdzhinii_nbsp_vulf/ (дата обращения 12.05.2016).

30. Долгошева А. Женская профессия / А. Долгошева // Санкт-Петербургские ведомости. – 2016. – 12 мая. URL:

http://spbvedomosti.ru/news/culture/zhenskaya_professiya/?sphrase_id=34589 (дата обращения 12.05.2016).

31. Павленко Е. Нет эстета в своем отечестве / Е. Павленко // Коммерсантъ. – 2016. – 5 марта. URL:

<http://www.kommersant.ru/doc/2931508> (дата обращения 12.05.2016).

32. Павлова И. Имени Стржельчика / И. Павлова // Санкт-Петербургские ведомости. – 2016. – 4 февраля. URL:

http://spbvedomosti.ru/news/culture/imeni_strzhelchika/?sphrase_id=34991 (дата обращения 12.05.2016).

33. Архангельский А. Рецензия на фильм Леонида Парфенова "Русские евреи" / А. Архангельский // Деловой петербург. – 2016. – 6 мая. URL:

Дата публикации: 6.05.2016. URL:

http://www.dp.ru/a/2016/05/05/Govorit_Parfenov/ (дата обращения 12.05.2016).

34. Дмитриева С. Нет рук, нет ног, нет проблем / С. Дмитриева // Санкт-Петербургские ведомости. – 2015. – 19 мая. URL:

http://spbvedomosti.ru/news/obshchestvo/net_ruk_net_nbsp_nog_net_nbsp_problem/?sphrase_id=34453 (дата обращения 12.05.2016).

35. «Надежда» гибнет, жизнь идет // Санкт-Петербургские ведомости. – 2015. – 20 октября. URL:

http://spbvedomosti.ru/news/culture/nadezhda_gibnet_zhizn_nbsp_idet/?sphrase_id=34541 (дата обращения 12.05.2016).

36. Улыбка Легара // Санкт-Петербургские ведомости. – 2016. – 28 апреля. URL: http://spbvedomosti.ru/news/culture/ulybka_legara/?sphrase_id=34542

(дата обращения 12.05.2016).

37. Комок О. Рецензия на спектакль "Слово и дело" / О. Комок // Деловой петербург. – 2016. – 6 мая. URL: http://www.dp.ru/a/2016/05/05/Plot_istorii/

(дата обращения 12.05.2016).

38. Матильда снова в Павловске // Санкт-Петербургские ведомости. – 2015. – 15 июня. URL: http://spbvedomosti.ru/news/culture/matilda_snova_v_nbsp_pavlovske/?sphrase_id=34550 (дата обращения 12.05.2016).
39. Орлова Н. Дама с коляской / Н. Орлова // Санкт-Петербургские ведомости. – 2015. – 23 ноября. URL: http://spbvedomosti.ru/news/obshchestvo/dama_s_nbsp_kolyaskoy/?sphrase_id=34551 (дата обращения 12.05.2016).
40. Алексеева Е. Реновация Эльсинора / Е. Алексеева // Санкт-Петербургские ведомости. – 2016. – 5 мая. URL: http://spbvedomosti.ru/news/culture/renovatsiya_elsinora/?sphrase_id=34556 (дата обращения 12.05.2016).
41. Кузьмин А. Куда идет театр и публика / А. Кузьмин // Санкт-Петербургские ведомости. – 2016. – 26 февраля. URL: http://spbvedomosti.ru/news/gost_redaktsii/sergey_ivanovich_parshin/?sphrase_id=34558 (дата обращения 12.05.2016).
42. Дроздова М. Мир наших желаний / М. Дроздова // Санкт-Петербургские ведомости. – 2016. – 11 мая. URL: http://spbvedomosti.ru/news/culture/mir_nashikh_zhelaniy/?sphrase_id=34561 (дата обращения 12.05.2016).
43. Чепель А. Синяя Птица корнета / А. Чепель // Санкт-Петербургские ведомости. – 2016. – 29 апреля. URL: http://spbvedomosti.ru/news/nasledie/sinyaya_ptitsa_korneta_/?sphrase_id=34562 (дата обращения 12.05.2016).
44. Леусская Л. Формула успеха – божий дар и работа / Л. Леусская // Санкт-Петербургские ведомости. – 2016. – 12 мая. URL: http://spbvedomosti.ru/news/culture/formula_uspekha_bozhiy_dar_nbsp_i_rabota/sphrase_id=34564 (дата обращения 12.05.2016).
45. Савицкий С. Персональная выставка художника Георгия Литичевского проходит в Петербурге / С. Савицкий // Деловой Петербург. – 2016. – 29 апреля. URL: http://www.dp.ru/a/2016/04/28/Visokoe_iskusstvo_komiksa/ (дата обращения 12.05.2016).

46. Сергачев В. Ухватить Серого за ухо / В. Сергачев // Санкт-Петербургские ведомости. – 2015. – 7 августа. URL: http://spbvedomosti.ru/news/culture/ukhvatit_serogo_za_nbsp_ukho/?sphrase_id=34565 (дата обращения 12.05.2016).
47. Архангельский А. Рецензия на фильм "Экипаж" / А. Архангельский // Деловой Петербург. – 2016. – 22 апреля. URL: <http://www.dp.ru/a/2016/04/21/Vzletel/> (дата обращения 12.05.2016).
48. Савицкий С. Выставка "Ли Уфан: Трость титана" проходит в Эрмитаже / С. Савицкий // Деловой Петербург. – 2016. – 1 апреля. URL: http://www.dp.ru/a/2016/03/31/Malij_ne_promah/ (дата обращения 14.05.2016).
49. Дубшан Ф. Утомленные мраком / Ф. Дубшан // Санкт-Петербургские ведомости. – 2016. – 25 апреля. URL: http://spbvedomosti.ru/news/culture/utomlennye_mrakom/?sphrase_id=34813 (дата обращения 14.05.2016).
50. Комок О. Рецензия на спектакль "Слово и дело" / О. Комок // Деловой петербург. – 2016. – 29 апреля. URL: http://www.dp.ru/a/2016/04/28/Nepotopljaemij_kovcheg/ (дата обращения 14.05.2016).
51. Арсеньева З. Кино плюс хоккей / З. Арсеньева // Санкт-Петербургские ведомости. – 2016. – 13 мая. URL: http://spbvedomosti.ru/news/culture/kino_plyus_nbsp_khokkey/ (дата обращения 17.05.2016).
52. Кулагина В. Абсурд не улавливается в сети ни здравого смысла, ни понятий рассудка, ни идей разума / В. Кулагина // PRO Танец. – 2014. – 22 января. URL: <http://www.protanec.com/#!-/ccpp/1A4C065F-2481-450D-8BD5-014341C2DBE1> (дата обращения 17.05.2016).
53. Медведева М. Догоняя время. Балетная группа Лионской оперы / М. Медведева // PRO Танец. – 2015. – 13 июня. URL: <http://www.protanec.com/#!%D0%94%D0%BE%D0%B3%D0%BE%D0%BD%D1%8F%D1%8F-%D0%B2%D1%80%D0%B5%D0%BC%D1%8F-%D0%91%D0%B0%D0%BB%D0%B5%D1%82%D0%BD>

<http://www.protanec.com/#!%D0%B0%D1%8F-%D1%82%D1%80%D1%83%D0%BF%D0%BF%D0%B0-%D0%9B%D0%B8%D0%BE%D0%BD%D1%81%D0%BA%D0%BE%D0%B9-%D0%BE%D0%BF>

<http://www.protanec.com/#!%D0%B5%D1%80%D1%8B/сpp/557c628e0cf28827c185ef66> (дата обращения 17.05.2016).

54. Кулагина В. После Дягилева / В. Кулагина // PRO Танец. – 2014. – 24 января. URL: <http://www.protanec.com/#!%D0%9F%D0%BE%D1%81%D0%BB%D0%B5-%D0%94%D1%8F%D0%B3%D0%B8%D0%BB%D0%B5%D0%B2%D0%B0/сpp/1068FFCE-4B6E-4826-AC93-73D7ED1841F0> (дата обращения 17.05.2016).

55. Поллак Е. Легенды о Любви – на языке ином / Е. Поллак // PRO Танец. – 2014. – 15 апреля. URL: <http://www.protanec.com/#!%D0%9B%D0%B5%D0%B3%D0%B5%D0%BD%D0%B4%D1%8B-%D0%BE-%D0%9B%D1%8E%D0%B1%D0%B2%D0%B8-%E2%80%94%D0%BD%D0%B0-%D1%8F%D0%B7%D1%8B%D0%BA%D0%B5-%D0%B8%D0%BD%D0%BE%D0%BC/сpp/7BC2287C-A381-401E-BB50-B606896519C3> (дата обращения 17.05.2016).

56. Кулагина В. Труффальдино слуга двух господ / В. Кулагина // PRO Танец – 2013 № 3 (6).

57. Кулагина В. «Дон Кихот» и «Баядерка» в рамках фестиваля «Мариинский» / В. Кулагина // PRO Танец – 2013 № 2 (5).

58. Кулагина В. «Дон Кихот» и «Баядерка» в рамках фестиваля «Мариинский» / В. Кулагина // PRO Танец – 2013 № 2 (5).

59. Кулагина В. «Дон Кихот» и «Баядерка» в рамках фестиваля «Мариинский» / В. Кулагина // PRO Танец – 2013 № 2 (5).

60. Кулагина В. «Дон Кихот» и «Баядерка» в рамках фестиваля «Мариинский» / В. Кулагина // PRO Танец – 2013 № 2 (5).

Ссылки на электронные источники:

1. Понятие речевого сценария. URL: <http://repetitora.com/ponyatie-rechevogo-scenariya> (дата обращения: 17. 05. 2016 г.).
2. Воздействовать на адресата, принудить (заставить) его сделать что-либо в интересах субъекта речи / Студопедия – лекционный материал для студентов. URL: http://studopedia.ru/13_126065_pokolebat-ego-emotsionalnoe-sostoyanie-ravnovesie-virazit-negativnoe-otnoshenie-k-S.html (дата обращения: 17. 05. 2016 г.).
3. Foreign Policy // Википедия. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Foreign_Policy (дата обращения: 17. 05. 2016).

